

⁸ Маргоша — скорее всего Мариэтта Сергеевна Шагинян (1888—1984).

⁹ Иван Васильевич Жилкин (1874—1958) — писатель, журналист, вместе с которым Толстой как корреспондент газеты «Русские ведомости» выезжал на фронт; см. в наст. книге письма Толстого Н. В. Крандиевской.

¹⁰ Скорее всего Всеволод Васильевич Крандиевский, брат Н. В. Крандиевской (устное свидетельство Н. П. Навашиной-Файдыш).

¹¹ Дюна — Надежда Васильевна Крандиевская, сестра Н. В. Крандиевской. Володя — неустановленное лицо.

¹² Петр Петрович Файдыш, муж Надежды Васильевны Крандиевской.

¹³ Запись, так же как и сделанная ранее («Жилкин видел во сне...»), была использована в «Рассказе проезжего человека»; 1917, январь (3, 14).

¹⁴ Ср. эту запись с более ранним стихотворением Толстого, посланным им в письме Н. В. Крандиевской в конце января — начале февраля 1915 г. (см. в наст. книге письма Толстого Н. В. Крандиевской), которое начинается так:

Рука твоя прикосновеньем	И суета со сновиденьем
Открыла вещей взор и слух;	Переплелись — с подругой друг...

¹⁵ К этой записи Толстой сделал позднее пометку: «Это неверно».

¹⁶ В записи отразились, по-видимому, впечатления самого Толстого от посещения дома Волошина в Коктебеле (см. Дневник 1911—1914 гг., где излагается содержание одной редкой книги из библиотеки Волошина, и примеч. 109 к нему).

¹⁷ Этими размышлениями был рожден один из лучших рассказов Толстого о любви — «Для чего идет снег»; 27 сентября 1915 г. он писал о нем своей тетке М. Л. Тургеневой: «Прочти в сегодняшнем номере „Русских ведомостей“ мой рассказ о начале нашей любви, и ты поймешь, какой силой мы связаны» (ИМЛИ, ф. 43, н. п.).

¹⁸ Описание природы, с небольшими изменениями, было включено Толстым в Дневник 1917—1936 гг.

¹⁹ Как уполномоченный Всероссийского земского союза городов Толстой в конце 1916 — начале 1917 г. находился в Минске, в Комитете Западного фронта этого союза.

²⁰ Сандро — А. С. Яценко; см. в наст. книге Дневник 1911—1914 гг. и примеч. 22 к нему; Дневник 1918—1923 гг. и примеч. 51 к нему.

²¹ Михаил Семенович Нароков (Якубов; 1879—1958) — актер и режиссер; играл в спектаклях Московского драматического театра по пьесам Толстого.

²² С января 1915 г. Толстой с семьей жил в Москве на Малой Молчаповке, дом 8, квартира 19.

²³ В комментируемой записи впервые в дневниках Толстого упоминается имя Корнилова, личности, интересовавшей писателя (см. также Дневник 1917—1936 гг. и Дневник 1918—1923 гг.). Милюков П. Н. (1859—1943) — министр иностранных дел Временного правительства, после революции — белый эмигрант; «популярность», о которой говорится в записи, связана, очевидно, с нотой Милюкова от 18 апреля (1 мая) 1917 г., направленной им от имени Временного правительства странам Антанты. Нота, выражавшая решимость России продолжать войну до победного конца, вызвала возмущение в народе.

ДНЕВНИК 1917—1936 гг.

Вступительная статья и публикация А. М. Крюковой

Дневник Толстого 1917—1936 гг. занимает особое место в творческой биографии писателя в первую очередь потому, что в нем нашли отражение многие важнейшие события в жизни страны и среди них — октябрьские дни 1917 г. в Москве. Ценнейший документ, представляющий для современного читателя исторический интерес, дневник Толстого замечателен своей полнотой и открытостью в изображении духовной жизни самого писателя, его

мучительных, сложных и порой трагических исканий истины, добра и справедливости; может быть, как никакое другое сочинение этого периода, дневник открывает перед нами глубину социальных, философских и эстетических исканий писателя и, что еще более существенно, — показывает их эволюцию и исторически-прозорливое завершение в творческом акте познания жизни — в собственном творчестве писателя.

Толстой осознает, что открывается новый этап в жизни страны: оставив в сторону незаконченный Дневник 1915—1917 гг. (последняя запись в нем относится к июню 1917 г.), он начинает новый дневник, который датирует 1917 годом. Отсчет событиям ведется в нем с осени 1917 г., а первые записи, отражающие летние впечатления, являются, таким образом, воспоминаниями о лете 1917 г. (запись об Иванькове) и 1916 г. (запись, заканчивающаяся словами: «Это было в Антоповке, па косогоре»). Налицо, таким образом, явный хронологический сдвиг, изначальная творческая заданность. Потом окажется, что и весь дневник содержит ряд хронологических несоответствий: после записей, помеченных «1923, май», в дневник вклеены страницы из записных книжек 1930-х годов, а завершается дневник записями, сделанными в 1924—1931 гг., после которых в него включены страницы из не дошедшего до нас дневника с записями воспоминаний участников первой мировой войны.

Бросается в глаза бесспорное разделение дневника на две части: 1917—1918 гг. и 1923 г., май (время первого приезда Толстого из эмиграции в Советскую Россию) — 1936 г. Возникает вопрос: почему же из дневника выпали записи, относящиеся к середине этого периода, т. е. к 1919—1922 гг.? Ведь такой дневник у Толстого в действительности был (см. в наст. книге Дневник 1918—1923 гг.), но важно отметить, что существовал он отдельно от публикуемого. Можно предположить, что этот хронологический разрыв, так же как упоминавшиеся выше хронологические сдвиги, в Дневнике 1917—1936 гг. не случаен, поскольку двухчастность его входила в замысел автора: дневник представляет собою своеобразную творческую конструкцию, в которой есть, условно говоря, две позиции: исходное событие — Великая Октябрьская социалистическая революция — и ее результат — ростки новой жизни. При этом каждая из частей дневника имеет свой характер, свою структуру и, в конечном счете, свое творческое назначение.

В первой части дневника (1917—1918 гг.) ко многим записям автор позднее сделал пометки: «К роману», «Ко 2-й части», «Х. М.» (т. е. «Хождение по мукам») и т. д. Однако реальные впечатления, зафиксированные в ней, прошли в творческом сознании Толстого несколько этапов: тот пласт жизни, который запечатлел писатель по горячим следам событий, был включен в опосредствованном, творчески-преображенном виде в произведения, написанные в 1917—1918 гг. (рассказы «Милосердия!» и «Простая душа»); позднее впечатления этого периода были использованы писателем в сатирическом контексте (в повести «Похождения Невзорова, или Ибикус») и, наконец, значительная часть записей действительно вошла в романы «Восемнадцатый год» и «Хмурое утро». Можно сказать, что по мере временного удаления от реальных фактов жизни происходил процесс более глубокого, творческого их постижения и что писатель возвратился в романе, в его художественной структуре, к тому конкретно-историческому осознанию действительности, которое зафиксировал дневник: реальные впечатления скорректировали за-

мыслей романа; с другой стороны, художническое постижение действительности оказалось и глубже, и шире первоначального взгляда на нее.

Можно говорить и о самом «духе» дневника: реалии жизни, запечатленные художником, образуют неповторимую и неподвластную никаким субъективистским истолкованиям и оценкам картину исторического времени: и мчащиеся грузовики с вооруженными красногвардейцами, и грохот броневиков, и непогода, и голоса в толпе, и «сдержанное веселье простонародья», и встающее над Кремлем солнце, и казаки, рвущиеся к Москве — все воссоздает образ времени, который потом растворится в творчестве, обеспечит историчность подхода к изображаемому материалу.

Толстой ни в чем не погрешил против реальных фактов: сравнивая его записи октября—ноября 1917 г. с газетными сообщениями тех дней, мы можем убедиться в совершенной точности его наблюдений. Однако эта точность носила особый характер: в поле его творческого интереса попадали отнюдь не все факты и события, не гребнем собирал он их, а отбирал исключительно те, которые несли в себе элемент обобщения, были типичны, характерны для своего времени: реалии жизни подвергались не только отбору, но и глубокому анализу и оценке.

В поле зрения писателя находились в основном социально-политические события в стране; факты быта если и попадали в его дневник, то лишь как проявления этих событий, по контрасту или соответствию им. То же можно сказать и о непосредственно художественных, литературных впечатлениях: в дневнике встречаются лишь короткие упоминания о Бунине — губы, как у Бунина, Розанове — «подвал, прямо по Розанову», об Андрее Белом — беседа с ним о Штейнере в пустой, разгромленной квартире, о Блоке — встреча с ним «морозной ночью 1916 г.» Зато не раз возвращается писатель к выступлениям «левого» искусства; не случайно записи 1917 г. заканчиваются вклеенной в дневник газетной вырезкой о «Елке футуристов». И в этом тоже позиция Толстого: для него органически были не приемлемы все проявления псевдоискусства. Уже в первом художественном анализе этого «искусства», в повести «Похождения Невзорова...», Толстой дал ему совершенно уничижительную оценку и истолкование: именно так изображен в повести «Вечер молодецкого разгула футуро-творчества». В романе «Хожение по мукам», в художественной структуре которого отсутствует, как известно, сатирический подтекст, он возникает лишь в сцене разговора поэта-футуриста Александра Жирова с Дашей зимой 1918 г. в Москве: «Мой друг, Валет, гениальный художник, составил план полного изменения лица города. (...) Сломать и заново построить — мы не успеем к карнавалу... Кое-что решено взорвать, конечно, — Исторический музей, Кремль, Сухареву башню, дом Перцова» (5, 524). А начало такой оценки — в небольшом дневниковом факте — объявлении, вклеенном писателем в Дневник 1917—1936 гг.

Однако главное место в дневнике, повторим, занимают социально-политические события. При всей сложности идейно-политической позиции Толстого в 1917—1918 гг. (см. об этом в наст. книге статью «А. М. Горький и А. Н. Толстой») в дневнике вполне ощутима художническая зрелость Толстого, давшая ему возможность преодолеть многие трагические испытания судьбы.

Прочитаем первую запись в дневнике об октябрьских событиях 1917 г.: «У Устиновых за ужином Кокошкина: „Господа, я говорю — побольше вку-

са" (о революции)». Толстой, как видим, иронически воспроизводит здесь (см. также следующую запись, от 26 октября) реакцию мелкобуржуазных представителей общества на октябрьские события 1917 г., в которой за амбициозностью скрывались страх и растерянность.

По воспоминаниям современников, такое — иронически-насмешливое — отношение к мелкобуржуазно-обывательскому поведению было вообще характерно для писателя в те дни. «Он видел трусость обывателей, мелочность обид, смеялся над другими, а сам не знал, что ему делать,— писал о Толстом в 1917 г. И. Эренбург.— Как-то он показал мне медную дощечку на двери — „Гр. А. Н. Толстой“ — и захохотал: „Для одних граф, а для других гражданин“, — смеялся он над собой.

„Мадам Кошке сказала, подавая блюдо индийскому принцу: „Вот дичь“. Это он рассказывал, смеясь, за обедом...»¹.

Толстой продолжил анализ обывательской психологии в своих публицистических выступлениях октября-ноября 1917 г., в которых сквозь сочувствие «милому, доброму русскому человеку, вне классового сознания и часто теперь без всякого сознания»² сквозило то же насмешливо-ироническое отношение к нему.

А запись «Заседание домового комитета» (характерная реалья тех дней, подмеченная Толстым), станет своего рода знаком времени, войдет почти во все произведения писателя, отразившие впечатления октябрьских дней 1917 г. «Рассказ о председателе домового комитета» — так в первоначальной редакции назывался рассказ «Милосердия!» (1918); с «членом домового комитета» Иваном Мироповичем ведет беседу о происходящих событиях автор в статье «Ночная смена» (1917), в повести «Похождения Невзорова» «заседание домового комитета» рисуется уже в откровенно сатирических тонах — в описание войдут как ключевые моменты и те реалии, которые были записаны Толстым по горячему следу.

Не только художественное творчество писателя, но и его дневник демонстрирует органичность художественного дара: каждая запись в дневнике — концентрация творчески-образного воспроизведения действительности. Реальные события жизни воспринимаются писателем в одном ряду с явлениями природы: дождь, ветер, деревья, небо, солнце, луна, птицы — весь живой и неживой мир активно участвует в человеческой жизни, неотделимой от этого мира.

Вторая часть дневника наиболее полно раскрывает его своеобразие как творческой лаборатории. Эта часть приближается по своему характеру к записной книжке, в которую активно заносится то, что может быть использовано в работе. Недаром многие записи переписаны в ней из разных записных книжек 1920—1930 гг. Творческий потенциал записей 1923—1936 гг. легко поддается расшифровке: многие из них были использованы в художественных произведениях — и в рассказах «Гадюка», «Голубые города», и в пьесе «Бунт машин», и в научно-фантастическом романе «Гиперболоид инженера Гарина», и, конечно, в продолжении романа «Хождение по мукам», романах «Восемнадцатый год» и «Хмурое утро», и в повести «Хлеб».

Однако мы хотели бы обратить внимание читателя на идейно-смысловую связь второй части дневника с записями 1917—1918 гг.: здесь словно находят развитие те размышления писателя, которые занимали его с самого начала осознания им нового исторического этапа в жизни народа и государства

(многие записи второй части имеют пометку «Продолжение к странице...», т. е. к странице, находящейся в начале дневника). Главный предмет размышлений Толстого-художника — «новый человек и его работа». Как создается новый «тип эпохи», как формируется новая нравственность, новый духовный строй «положительно-прекрасного» человека — вековой мечты человечества? Записи второй части дневника свидетельствуют не только о прямом выходе этих размышлений в творчество; многое осталось нереализованным, осело в дневнике, сохранилось в планах и замыслах, приоткрывая читателю внутренний мир художника. Дневник 1917—1936 гг. словно обрывается на полуслове — писатель отказывается от простого фиксирования своих наблюдений и размышлений о новой действительности, рожденной Октябрем. «Тема пьесы», «Сюжет для пьесы», «План романа» и т. п. записями заканчивается дневник, продолжение которого мы найдем уже непосредственно в художественном и публицистическом творчестве Толстого.

Отдельные записи Дневника 1917—1936 гг. цитировались в книге *Крестинского* (с. 119, 122—123) и примечаниях к Собранию сочинений Толстого в 10-ти т. (4, 827); некоторые записи (с сокращениями) опубликованы в связи с объявлением о выходе наст. книги: ЛГ, 1983, 5 янв.; *Вопр. литературы*, 1983, № 1, с. 96—109. Дневник публикуется впервые, по подлиннику, поступившему в 1982 г. в ИМЛИ (ф. 43, оп. 2).

¹ *Воспоминания*, с. 89.

² *Толстой А. Н.* На костре.— *Луч*, 1917, 1 дек.

⟨ДНЕВНИК 1917—1936 гг.⟩

1917 год

В Иванькове пошли на поляну, где пни. Солнце уже закатилось. Небо покрыто желтовато-свинцовыми тучами, низкими и мягкими. Высокие, тонкие березы, и тончайшее кружево листвы совсем черное. Низко между стволов длинная полоса выцветшего заката. Пролетела бесшумно птица между ветвей, должно быть, козодой. Тишина. Упало несколько капель дождя ¹.

После дождя, когда уже выглянуло солнце, уходящие тучи внезапно отразились в мокрых крышах синими грозowymi тенями. С высоты пятого этажа казалось, что город стал зловещим ².

Над пустым и темным переулком с высокими домами стоит луна и кажется не особенно далекой и сиротливой.

К Яценко явился кот, облазил все книги, половил мышей и стал молиться на Сандро, очевидно, принимая его за высшее существо. Сандро по вечерам читает у стола — кот садится сзади и молитвенно машет лапами ³.

На станции бабы:

- Думает — поить, кормить будут, ну и сдался.
- Да и оказалось — по три дня не евши.

- Жив-здоров и слава богу.
- Говорят — за ноги их подвешивают на три часа.
- Да ведь кабы знавши-то — он бы не сдался ⁴.

У содержателя кофейной появилось столько мух, что все перестали к нему ходить. Он: «И откуда они только берутся».

Парикмахер плачет: «Ведь я же не манекен, извините, я живой человек».

Любовник, когда в него нацелились из револьвера, завизжал, как сука, и этим спас себе жизнь.

Низкое солнце на самом закате ударило в мокрые березы, и зелень их потемнела, насытилась, а сзади еще более грозным стало сизое покрытое тучами небо. Это было в Антоновке на косогоре ⁵.

В тончайшей материи двойного сна (сна во сне) к Наташе ⁶ появлялся издеватель. Он сам не может войти, а проникает вслед за кем-нибудь, плывя невысоко над полом. Он издевается, мучает и наводит смертельный ужас. Однажды он пришел в шапочке Пьеро ⁷.

У очень толстых женщин — кроткие глаза ⁸.

Негритянка, Эмма Ричардовна, первого мужа в Америке выбросила в окно. Бежала. Кухарку ударила ножом в голову. Когда у нее были гости, танцевала, пьяная, кнопки расстегнулись, платье свалилось, плясала в рубашке. Сама гонит спирт. Гладит, а самогонка капает в стаканчик. Танцует в кафешантане, держит киоск.

Искусство — отстоявшееся вино жизни. А что же я поделаю, когда вино взбаламучено и бродит, когда сам чорт не разберет, что это — деготь или мед ⁹.

У нее зеленое платье, загадочные глаза. Постоянно зябнет, куたается. На мужа взглядывает с ужасом: «Вы страшно шумите» — хотя он ходит на цыпочках. Муж ее жалеет. Она говорит: «Только уродливое прекрасно», «Люблю, потому что ненавижу». Когда прошла мода на таких женщин — она стала нюхать кокаин и плакать по вечерам ¹⁰.

Рассказ Нарокова о чертике в отдушнике ¹¹.

Мы привязываемся к тем вещам, которые в руках у нас стареются, чиним их и перед тем, как им развалиться, — любим их всего сильнее ¹².

На правах поэта он изменял жене. Жена простила ему все наперед. К женщинам у нее было особое чувство — не злое, а терпкое любопытство. Она ничего не имела против, когда с ними что-нибудь случалось. <...>

Кухарка Таня пьет японский гриб, настоенный на спирту. Допилась чуть не до смерти.

У Устиновых за ужином Кокошкина: «Господа, я говорю — побольше вкуса» (о революции) ¹³.

На Кривоколенном. Девка солдату: «И вовсе она некрасивая, а красивые у нее ботинки, да и те не красивые, а тонкие, тонкие»¹⁴.

26<октября>. Заседание домового комитета. Охрана дома. Говорят вроде: «Я бы хотел поставить вопрос (об охране черного хода) в более узкие рамки и в иной плоскости». Удалили дам, чтобы те не пугались. И, оставшись одни, мужчины решили собрать по рублю для швейцара и выдать ему раз, чтобы стучать, если полезут грабители¹⁵.

27. У Мусина ¹⁶. В вещах доктора Гарденина ¹⁷ были найдены карточки ж<енщин>, привязанные к конвертам, список порнографических, оккультных и магических книг, дневник — путевые заметки и листок, на котором Гарденин сам себя описывал в третьем лице: «С пурпурными губами, любовник Боккаччио... Он бросал в жаждущие сердца слова, тяжелые, как камни». И т. д.

28 окт.¹⁸ С утра стреляют на улицах. Много народу, все помалкивают, выжидают. Пронесются автомобили с большим [красным] белым флагом и крестом. Баба продает репу. Говорят, что где-то ставят пулеметы.

Смотрели с балкона — Кремль, башни, колокольни, громада дворца с плоским куполом и шпилем... На колокольне Ивана В<еликого> засияло солнце, тучи раздалились над городом... Ближе красные прямоугольники домов, крыши. Весь город полон звуков... Голоса, собачий лай, поет петух... Уханье, треск автомобилей. Негромко щелкают выстрелы и вдруг рычит пулемет.

На Мол<чановке> — в госпиталь из автом<обиля> вынесли юнкера, держа в сидячем положении, за ним пронесли сапог.

Повсюду женщины. Смех, разговоры.

На выстрелы даже не оборачиваются. Выстрелы винтовок длинные, хлесткие, револьверные — хлюпающие. Пулемет кажется железной собакой, которая, сидя на цепи, заскрежетала зубами — широким ртом.

Ночью в комнате швейцара собрался штаб охраны. Пили чай, играли в карты. Вдруг стук в окно, открыли форточку, голос:

«Пролетел второй снаряд с Пресни». Еще погода стук и голос: «Наш дом обстреливают, загасите свет». Тогда загасили свет и все пошли на улицу.

29. Утром. Туман. Изредка грохот орудия. Затем туман растаял и в чистом синем теплом небе плывут только разорванные клочки облаков. По Молчановке бегут... Стреляют где-то рядом. Шлепнулась пуля в дом... Едет телега с жестянками от молока... Как только выстрелы стихли, все вышли из ворот и подъездов и пошли. Двойной грохот орудий. Высоко над Арбатской разрыв, и белое плотное облачко мгновенно растерзал, унес ветер.

Схожу вниз. На лестнице черная дама отворяет дверь: «Боже мой, как это ужасно». «Что такое?» «Только что убили Бессмертного». Внизу стоят мужчины, смущены... Вдруг кто-то подводит брата Бессмертного, высокого, рыжего, к лифту. Брат закрыл лицо рукой. И когда лифт поехал — он зарыдал глухо в уносящемся лифте. Затем пришел господин с дамой и спрашивают — что с Б(ессмертным)? — «Убили». *Господин говорит: «Так, так» и стал потирать руки, точно они у него замерзли. Дама только побледнела.*

Дежурил в сумерки на дворе. Все время над головой пели пули. Когда гроыхала пушка — поднимались стаи ворон. В звуки выстрелов вдруг влился мягкий колокольный звон. И на минуту все затихло. Точно весь город прислушался — звонят к вечерне. Ночью дежурил там же. За домом, что на Поварской, мерцало зарево. Ходивший со мной коммерсант пугался кошек и пятился от пуль.

30. С утра грохот пушечных выстрелов. Мимо дома с глухим ревом проносятся снаряды. Иногда лопаются в воздухе шрапнель. Наверху в квартире играют на рояле. Внизу у швейцара собрались жильцы. Приходят, сообщают слухи, всему верят, то в радости, то в отчаянии. В общем, ничего не известно. Но ясно, что большевики окружают Александровское училище по бульварам, занимая Кудрино, Никитские ворота, Пречистенские. Сейчас бомбардируют дом Перцова ¹⁹.

У нашего дома убило юношу, в голову, наповал. В 9 часов вдруг погасло электричество. *Весь дом вылез на лестницу со свечками. К полуночи можно было видеть женщин, в изнеможении прислонившихся к перилам.* Ночью в тот же час дежурю. Иногда вспыхивает перестрелка. Пули чмокаются в сырые дрова. Сидя внизу, за лифтом, при фонаре, говорили с Сем(еном) ²⁰ о том, что теперь настало время для всеобщей трудовой повинности. Истопник рассказывал, как у Чичкина стояла очередь. Рабочие из засады давали залп в воздух, нарочно: очередь подсыпалась и вновь собиралась ²¹.

31. Утром. Пришли газеты с разноречивыми и печальными вестями. Грохот пушек не прекращается. Напротив на Кривоколенном упал тяжелый снаряд и поднялся кирпично-бурый столб, величиной в дом...

На Тверском бульваре горит дом, угловой, тот, что с драконом. Очевидно, дракон был сбит снарядом и загорелся чердак. Белый негустой дымок и красноватое пламя в круглом окне, на углах... Мягко сложились и пропала в огне и клубе дыма крыша, как бумажная.

В доме страшное утомление, у многих безразличие. На лестнице сидят дети. Наверху кто-то нервно вдруг заиграл чижика.

Ходил к Мусину.<...>

Мусин в халате рассматривает и наклеивает в альбом фотографии. Относится ко всему философски.

Пил чай у Поливановых²². Две сестры, чистенькие, радушные, милые. Им какая-то барышня принесла через весь город посылку с куличами. Показывали снимок с сожженного крестьянами старинного дома. Их бабушка не жила в этом доме, пот<ому что> увидела однажды в комнате мышь.

(Борьба происходит между Комитетом общественного спасения и Революционным комитетом²³. Борьба кровопролитна, и невозможно ее прекратить, пока одна сторона не истребит другую. Все это каким-то образом напоминает в миниатюре мировую войну: та же неуловимость цели, неопределенность вины за начало войны, упорство и невозможность договориться и окончить. Тайнственный, космический дух мировой войны перекинулся в Москву. Все, что происходит в эти дни, бесприютно и таинственно.)

Вечером короткие атаки большевиков на юнкерские заставы. Тишина нарушается ревом пулемета и залпами. Командует тверским отрядом Саблин²⁴.

Ночью на дворе. Морозец. Большие, ясные звезды. Стояли с Верлинским²⁵ у дров и говорили о танго, оккультных книгах, войне и социальной революции. Загоралась жаркая перестрелка на Поварской и Арбате. Изредка бухало орудие. Ревел снаряд. Сидели на лестнице, внизу—Наташа, еще кто-то. Высокий небритый господин рассказывал, как его надули. Ждали большевиков.

1-го <ноября>. Непрерывный грохот орудий. Шрапнели рвутся над церковным двором, осыпая и наш. На окнах строят баррикады. Некоторые спустились в подвалы, но в общем у всего населения гораздо больше спокойствия, или апатии.

Говорят, что прислуга уже разделила квартиры для грабежа. Случай с выстрелом во время обеда из окна на Б. Молчановке²⁶.

Ночью выстрелы вывели Наташу из себя, она отчаянно бранила меня и няньку, легла на полу в ванной.

Дети устроены внизу. Мы с Наташей легли спать в ванной²⁷. Всю ночь грохот снарядов и бешеная перестрелка. Вечером было общее собрание, на котором некоторые <1 нрзб.> откровенно признавали<сь>, что бросят дежурить на дворе. Решено дежурить по кух-

ням. Горит дом Ламановой и аптека на Никитской²⁸. Едва не убит поручик.

2-го. Тяжелыми снарядами обстреливают рядом с нами Казаковский дом²⁹. Почти все жильцы перебрались вниз. С той стороны несколько окон разбиты пулями. Газ плохо горит. Хлеба нет. Телефоны не работают.

Юноша-разведчик принес даме письмо от родных с Шереметьевского; бегаёт по всему городу, побывал у большевиков, был арестован и по суду приговорен к 2 неделям ареста, бежал. <...>

В сумерки Москву покрыл густой туман. За время всех этих событий отошли, растаяли все прежние интересы, желания, цели. Осталось только одно: Наташа и сын. Богатство, слава, роскошь жизни — все это стало ничтожным, ненужным, не важным. Теперь бы жить в тихом городке на берегу моря, тихо, строго и чисто.

Пришли снизу, велели гасить весь свет. Ожидается ночная атака...

Внизу пьют чай студенты, промокшие юнкера, офицеры, ударники. Один — лицеист, изящный, маленький, красивый. Когда сел, снял фуражку, пригладил пробор. Глаза его карие, печальные и умные. Ему другого выбора, кроме смерти, нет. <...>

Кто-то пришел и сказал — слышали, заключен мир³⁰. На него посмотрели молча. Никто не выразил ни радости, ни отчаяния. Только спустя некоторое время офицер-летчик сказал: «Да, все-таки родина, и вот нет ничего». Другой: «Теперь нам деться некуда, лучше бы убили».

3-го. Наташа надела платочек, пошли к Крандиевским³¹. Дюна в слезах: «Потому плачу, что до сих пор не плакала». <...>

Чувство тоски смертельной, гибели России, в развалинах Москвы, сдавлено горло, ломит виски. Прихожу домой, за столом сидит Марьяна³².

4-е. <...> Нет никаких известий, и город полон чудовищных слухов. То говорят, что Каледин уже в Харькове³³, то, что немцы взяли Минск и Двинск и идут на Москву³⁴, а Финляндия объявила войну России³⁵, что рубль в Германии — 2 марки³⁶. Всему верят и что-то ждут.

Во времена революций самая свирепая и кровавая вещь — мечта о высшей справедливости. Поражая людей, она разжигает их, как лихорадка. Благоразумие и добро нынешнего дня — становятся преступлением.

5. <...> *Распадение тела государства физически болезненно для каждого: кажется, будто внутри тебя дробится что-то бывшее единым, осью, скелетом духа, дробится на куски; ощущение предсмертной тоски; воображение нагромождает ужасы³⁷.*

Мое духовное и физическое тело связано с телом государства; потрясения, испытываемые государством, испытываются мною.

Государство должно быть построено по закону, которым живет мое физическое и духовное тело,— тогда государственный строй будет не только безболезнен, но доставит величайшую радость моему бытию. <...>

Идут богатые похороны. Два рабочих:

— Васька, а тебя так-то хоронить станут?

— Кабы за мной собака носом уткнулась, пошла — и то спасибо сказал.

Продавец яблок старухе: «Цадия, цадия, тебе не яблочки надо, а гроб осиновый. А еще цадия»³⁸.

На Хитровском рынке делает паспорта некий Монтантон.

20-ти рублевки зовут «чижики». <...>

Новоселье у Орлова.

*Доктор, Орлов, Асланов и Людмила*³⁹.

Доктор когда-то что-то пережил и успокоился.

*Нюхал руки Людмилы, говорил о каком-то «деньке золотом» и хохотал громко. Добрые глаза и красный, мягкий, большой рот*⁴⁰.

Орлов очень печален, молчалив. Сказал про квартиру: «Она очень хороша, одно нехорошо — соседство с Л.». Когда под утро Л. наклонялась к нему и что-то шептала (обратила внимание в первый раз), он не изменил выражения лица, не оглянулся на нее, качнул головой, соглашаясь с чем-то. Очевидно, для него было <ясно>, что безнадежно. Асланов пришел злой, после всех, один в столовой пил и бил. Затем сидел на диване, морщась, кусал ноготь, будто в комнате и не было Л. Неожиданно взяв ее руку, что-то зашептал, она наморщила носик, сделала скучающие глазки. Он опять прошел, даже не глядел. Затем они куда-то скрылись. Людмила рассказывала про себя. Третий муж. Сказал ей, что она для него не существует как женщина. «Я этого ему не прощу». «У нас идеальные отношения. Но как женщина я ему принадлежать не буду». «Он мальчик, я делаю с ним, что хочу, и отомщу». Личико злое, жестокое и рука, как у птицы.

Злая, полудохлая, чувственная птица. Сестра ее в истерике и молчит. <...>

<Вырезка из газеты>

Елка футуристов

Большая аудитория Полит(ехнического) Музея. В субботу, 30 декабря 1917 г. в 7 часов вечера состоится Елка футуристов. Вечер-буфф молодецкого разгула поэзо-творчества. Под председа-

тельством знаменитостей: Давида Бурлюка, Владимира Гольцшмидта, Василия Каменского, Владимира Маяковского и др. Вакханалия. Стихи. Речи. Парадоксы. Открытия. Возможности. Качания. Предсказания. Засада гениев. Карнавал. Ливень идей. Хохот. Рычания. Политика. Желающ<их> прин<ять> участ<ие> в украш<ении> елки футур<истов> просят детей не приводить. Бил<еты> продаются ежедневно...» ⁴¹.

1918 год

Наташа утром сказала, умывшись: снизу сок, сверху холодная водица, так, как в пятнадцать лет.

Странная жизнь: восстания, убийства, борьба за власть, декреты, голод, война, а жизнь простая, ежедневная идет, как шла,— ходят в театры, интересуются искусством, читают лекции, собираются, устраивают выпивки, танцы, ездят ряжеными — наперекор всему, и в этом несокрушимая сила жизни, которая все поглотит и сделает все так, как надлежит быть.

У Кара-Мурзы. Пьяные Орлов и Эренбург исповедуются Наташе. Людмила и Асланов танцуют в это время. Тоска Орлова, шел в стороне ото всех по Кузнецкому, катился, падал. Так и ушел ⁴².

Новый год у Ковушчиных ⁴³. Ковуш<чин> и его жена. Она танцует, он говорит дерзости. Несколько раз уходят в спальню доругаться. Смятые цветы, залитый стол. Офицеры, лезущие к дамам. Пьяно, глупо, остервенело.<...>

А мы собираемся, читаем стихи, прозу, говорим об искусстве, ужинаем, веселимся, как можем. И все это не то что притворство, а затаенное ожидание какого-то взрыва. И все же обычная жизнь с ее интересами, радостями и огорчениями упрямо пробивается, как трава из-под наваленной колоды.

9 января. Теплый туманный день. В переулках ширкают лед на тротуарах. По Арбату манифестация. На углах кучки людей. «Они там ура кричат и караул — жулики кошельки таскают». На Тверской, почти пустой, группы красногвард<ейцев>, у ген<ерал>-губ<ернаторского дома> втаскивают пулемет на автомобиль, завешанный красным. Прохожие жмутся к стенам. На дворе, где Званцов, актеры, Вишневский ⁴⁴.

9 января видел три раза на перекрестках очень странного человека: еврей, с греческой рыжей бородой, стоит, запрокинув слегка лицо. Глаза, словно заплаканные, полуприкрыты. Рот раскрыт в углах и сложен посредине — все лицо, как у трагической маски, неподвижное и страшное ⁴⁵.<...>

Анархисты заняли дом Цетлиных ⁴⁶.

Бомбы, вино, девки.

Заняв, ходили в баню, возвращались с узелками.

Грозили, что взлетят вместе с домом.

Обещались перерезать всех буржуев на Поварской. Выдали фрак и сюртук, а штаны удержали.

Мотив: холодное, плохо освещенное, очень высокое кабаре. От табачного дыма — мгла. Чай и кофе без сахара. Входят газетчики, кричат о гибели России. Афиша о выборе короля поэтов. К ночи дует. Входят мокрые от снега. Сидят бездомные беженцы, покаянные барышни, голодные писатели. Дома делать нечего. Сидят часами. Иногда поднимается спор о вещах почти космических... ⁴⁷.

Фигуры: Ермилова с записной книжкой ⁴⁸, хроникера, политического журналиста. Бывшие комиссары, командующие батальонами, тов<арищи> министров и т. д.

На Молчановке дворник милиционеру: «С печи их не сгонишь, лежат два дьявола» (солдаты).

На Никитской площади, около развалин подходит женщина с покатым лбом, длинными припухшими глазами: «Каждую ночь здесь кричит». — «Кто?» — «Женский голос кричит, нехорошо, противно».

Подошел большевик: «Кто кричит?»

«А разве мало тут народу погублено?» И т. д. ⁴⁹ <...>

Когда едут в товарном вагоне — посредине зажигают огарок. Собираются солдаты, бабы, мещане — все мешочники. Разговор. Не доезжая до Москвы, поезд останавливается. Все спрыгивают.

<Вырезка из газеты>

В Смольном

Перед огромным зданием Смольного института весь двор занят крытыми автомобилями. Это все реквизированные машины. Застава у ворот. Застава у входа в здание. На крыльце стоят два орудия... ⁵⁰.

Одного господина арестовали матросы в трамвае, привели в Смольный. Посадили в камеру. Вдруг дверь открывается, лохматый господин: «Сыр дают». «Послушайте, я арестован...» «Молчать, сыр дают». Встал в хвост, получил сыр и масло, надел чужое пальто, уехал домой.

Весенний ветер воет в развалинах дома на Никитской. Громыкает железо ⁵¹.

Превышение в жизни чувств над умственным созерцанием охраняет человека от самого страшного — безнадежности, в которую заводит разум. Чувства — влага, в которой покоится разум. Угасают

чувства, иссякает влага. [Чувства] Разум воспаляется, болит, мечется.

Часто такие припадки [доктора] зовут истерией.

Во время дежурства в подъезде каждую ночь появляется задумчивый судебный следователь с таксой на руках — выводит ее гулять на парадное. Затем слушает разговоры о политике и молча идет спать.

Музыкальная табакерка. Сидят унылые и боязливые спекулянты, два немецких офицера, матрос, кот^{орый} пьет пятый стакан шоколаду. Выступают поэтессы, напудренный поэт с четками. На темной улице вопят газетчики о только что вырезанном городе N⁵².

Самая жестокая и кровавая власть была тогда, когда во главе правительства стояли писатели, философы и журналисты⁵³.

На улице — женщина, бедно одетая, с простым, озабоченным и усталым лицом. На руке поношенная, выдавшая непогоду кукла. Изображает сумасшедшую, у которой умер ребеночек. И от того, что она так врет, — жалобно. Уличный романтизм.

Прихожу в сумерки в Наташину комнату. Наташа в постели. Съела яблоко и кожицу держит в кулаке. Ела яблоко и думала о смерти.

30 марта. В 6 ч. у^{тра} просыпаюсь от стрельбы. В продолжение 20 минут было 4 атаки, последняя — непрерывный вопль пулеметов, ружей, удары орудий — топот ног, крики голосов. Вбежала Наташа в одной рубашке, села на диване. Слушали. Затем все затихло. Был взят особняк Цетлина.

Молодежь — девчонки, гимназисты — находят наше время особенно интересным.

В дни разгромов, стрельбы или опасности выселения — с особенной нежностью смотришь на окружающие вещи, видишь их по-новому.

Возвращались по Молчановке.

Солнце стояло в конце улицы. За деревянным забором дерево, и заметно, как уже на голых ветвях набухли почки. Я подумал: прошла война, прошла революция, вся Россия стала уже не та, а дерево распускается так же, как прошлой весной, как много весен назад. И это дерево, и вся природа отошли от меня, от всех людей в страшную даль и там живут своей, непонятной нам жизнью. Человек оторвался от природы. Забыл природные и вечные законы и выдумал законы свои и сейчас осуществляет их и гибнет, потому

*что только с одним человеческим [только в человеческом] нет правды*⁵⁴. <...>

У «Бома» встреча с Саблиным⁵⁵. Разговор о военнопленных. Автомобиль.

<...> Война — приготовление к смерти, пересмотр всей жизни — личной и обществен<ной>. Убийство на войне — психологически не существенно. Убийство — есть обло войны и не нуждается в оправдании. Существенно и важно психологически — приготовление к смерти и борьбе со страхом.

Революция — есть материализация идей и чувств. Если идеи порядка приправного, т. е. возникшие сами собою в сознании, и если чувства апривные — революция положительна, утверждение, победа, прирост.

Если идеи порядка логического, т. е. возникшие всецело из позитивного сознания, и если чувства пассивны — то революция отрицательна — опровержение идет, разгром и испытание <1 фр. густо зачеркнута>.

Станиславский сидел больной в маленькой комнате на диване. Умывальник. Зеркало. К нему пододвинут столик с зеркальцем и косметикой.

Станиславский в желтой очень просторной куртке. Чистая рубашка. Очень большие руки. Огромная голова с белыми и как шелк волосами. Весь большой, изящный, под рукой картонный секретер с рукописями⁵⁶. <...>

*17 июля 1914 года в день объявления войны — Россию с севера на юг прорезала тень солнечного затмения*⁵⁷.

Когда работаешь над рассказом и он идет удачно, то такое чувство весь день, что под сердцем горячо.

Мировой величины прозаические произведения будут тогда, когда писатель с такой же горячностью будет переживать самое движение в рассказе, а не состояние, что делает партитуру второстепенной.

Во время революции в самые страшные дни я слышал выстрелы, удары пушек, взрывы гранат, треск пулеметов, топот ног, шум голосов. Под окнами несколько раз убивали — но я ни разу не слышал крика. Убивают и умирают молча. <...>

Сестры Орловы⁵⁸ на хуторе с матерью-старухой на чердаке. Стреляли из пулемета в советские войска.

Солдаты плакали — расстреляли (сестры — красавицы). <...>

*Во время разговора с Лизой*⁵⁹ (вечером в 1-ый день) я понял, как в известные периоды революции даже возвышенные и мягкие люди могут быть жестокими и подписывать смертные приговоры

близким людям, друзьям (Робеспьер, Камилл). Когда революция кончается и наступает органическая необходимость творческой работы — то люди, еще не понявшие этого и продолжающие романтически кипеть, бурлить и мечтать о разрушении, становятся врагами [духа] отечества, [духа] страны, <1 нрзб.> врагами. Их уничтожают без сожаления⁶⁰.

Сначала на Кубани восстали против Советов отряды Покровского, казачьего полковника в Екатеринодаре, начальника всех казачьих войск. Он был разбит и подавлен. Прошел слух, что у станции Тихорецкая появился Корнилов<...> и мобилизует лошадей. Советы заволновались. Формировали отряды. Разбили Корнилова, он отступил к Лабе и рассеялся. Во второй раз появился с отрядами и с юга подошел к Екатеринодару и занял кожевенные заводы. Начались бои. Погибло много советских войск. Когда Корнилова вышибли с кожевенных заводов — нашли одного убитого, двух раненых офицеров и сломанный пулемет. Войска у Корнилова конные, с огромным количеством выючных пулеметов. Есть женские батальоны, горцы.

Он применяет тактику — дает себя окружить (засека, овраг, плавни) и ночью, когда начинается бой, ускользает <...> был встречен священник, кот<орый> сказал, что хоронил какого-то генерала, должно быть, Корнилова. К тому месту послали броневик, выкопали тело, провезли по всему фронту и выставили на базаре в Екатеринодаре. Женщины грызли тело зубами. [Оказалось, что Корнилов жив]⁶¹.<...>

Возвращались на рассвете от Цетлиных. Зелень, пахло тополями. Я и Зайцев⁶² фехтовались палками. Наташа побежала вперед вместе с Верой. С нами шел молчаливый бледный человек, восточного типа, с черными бакенбардами. Я ему сказал — с вами не страшно ходить по Москве, вас всякий испугается. Он спросил странным голосом: «Вы думаете?» Затем он спросил: «Вы понимаете толк в оружии?» и вытащил из-под бурки огромный кольт. Поговорили об оружии.<...> Это был убийца Мирбаха⁶³.

Разговор с Белым ночью в пустой квартире. Чехлы. Огромные диваны и буфеты. На столе клеенка, чашка с творогом, несколько кусков сахара в жестянке, мед в горшке, старенький самоварчик.

Вот так вся наша жизнь в пустой квартире с чехлами и небольшой чемоданчик.

Рассказывал, как он жил в Берлине с женой, слушали Штейнера. Освобождали себя от всех наслоений культуры, ума, знаний, теорий.

Жизнь представлялась неверной, случайной, слепой, на грани какой-то катастрофы. Жили в ожидании катастрофы. И вот теперь он — приготовлен к испытаниям, то, что происходит, не неожиданность. Я сказал, что раньше вся жизнь строилась на смерти, те-

На Молчановке кухарка легла животом на окно, глядит. Другая ей из противоположного окошка:

— Марья, а ты не высывайся, убьют.

— А пускай убивают, жить надоело на одном пайке. <...>

Убийство вора Петьки на Ржевском ⁶⁷.

Выстрел. Господин, гулявший по двору, остановился. Двое юношей подошли к воротам... На Ржевском из окон высунулось несколько женских голов. Прибежали мальчишки. Пошли выходить люди из парадных. На скрещении Молчановки и Ржевского появился худой господин в черной старой паре и, разведя руками, сказал: «Что же это такое, господа, всего ограбили». Сейчас же раздался второй выстрел, третий, четвертый. И народ побежал по Ржевскому. Загудел, как улей. Трое понесли кого-то (не видно). Затем понесли ногами вперед Петьку в синей рубашке. Одна рука его висела, белея.

Портниха Катя, увидав, что Петька вышел на работу, побежала и сказала домовладельцу. Он взял револьвер, вышел [и стал за углом]. Увидел, что Петька борется с каким-то господином. Петька в это время выстрелил и ранил господина в ногу. Тот отпустил Петьку и в это время домовладелец выстрелил Петьке в грудь. Петька сразу опустил руки и лег.

Все это происходило молча, без криков. Молчали арестованные — отец-драпировщик и братья Петьки. Их увели.

Рассказ Лидина о том, как брали в октябре дом Гагарина у Никитских ворот. Пылающее окно, топот перебегающих солдат, боль<шевигов>, они бросаются из окон и падают под пулями. Им кричат — вылезай... Марш!..⁶⁸ <...>

Были у Рачинских ⁶⁹, выходим — луна, тихо, светло и, влажные от росы, пахнут липы. Темные тени. Темный сад позади.

У Ходасевича ⁷⁰. Вид на Москву-реку.

Вокзал, затонувшие баржи, лодки. Вдалеке налево мост и в четырехугольной башне огонек.

Он расс<казывает>, как на Новинском бульваре на скамейке спят три красногвардейца с ружьями. Вокруг собрались няньки, бабы, какой-то старичок с газетой и шопотом пугают спящих.

1923 год. Май ⁷¹

Себеж ⁷². Солдаты на скамейке. Собака при багажных весах <2 прзб.>.

Станция Тушанис. Почтовые чиновники и барышня в тулупчике. Бабы кружками продают съестное.

Девочка с мешком: «Товарищ, этот куда поезд», «а нельзя ли без билета», «нельзя». <...>

Смерть Лепешинской. Билетик на ногу. Дощатый гроб в роскошном склепе ⁷³.

Деспотизм. Культура Афин.

Славянофильство.

Неизбежность большевизма как переход к культуре духа.

Русская интеллигенция, Толстой и Достоевский — подготовка эпохи народного деспотизма.

Борьба с Западом. Пробуждение национального сознания.

На Тверской, ночью, проходит человек, обращается к проституткам: «Паразиты, вы чего тут стоите?»

Рассказ Дюночки ⁷⁴

Рождение. Муки кормить. Прикорм. Ребенок угасает. Зазывают нищенку, кормить. Кормит еврейка 1 месяц. Лето. Дюн<а> борет<ся>. Евр<сйка> уезжает.

Отчаяние. Дюна ходит по улицам, слушает, где кричит ребенок. Мещанка. Одна неделя кормления. Взвешивание. Отказ. Переезд в Замоскворечье. Кукольный домик, коза. Солнечный свет. Коза заболевает. Клистир козе, сдохла.

Церковь, березы, солнечный свет. Достали молоко. У нее борьба за жизнь ребенка и свою, это одно и то же.

Рассказ Давыдова ⁷⁵

Ревизор потребовал, чтобы были собутыльники. Отвезли в город, посадили в камеру для выборных саботажников. <...>

Рассказ Климова ⁷⁶

Баба принесла баранину на поясе под юбкой.

Подвал. Водка из водопроводного крана.

Племянник Файдыша ⁷⁷, 14 лет, ездил за мукой. На остановках запечатывал вагон.

Маленькая девочка: пропустите, я с ребенком.

Идея бессмертия.

Идея счастья.

Идея борьбы ⁷⁸.

Рассказ Никулина ⁷⁹ об Умани

Синагога, молятся старики, на дворе — трупы.

Атаман Ангел. Тачанка, покрытая ковром, на нем золоченое кресло.

Степь, дымы пожарищ ⁸⁰.

Порфирий Семенович пришли, пьяный, конечно, и все платье облювал, подвенечное.

Сестрица ваша будет покрепче, а вы послободнее. Вам без прямой планшетки никак нельзя в обществе вращаться ⁸¹.

Символ смерти, или говорящий череп Ибикус ⁸².

Серебряный дождь, или ужасный сон эгоиста.

На выставке (в Москве) показывают быка на 75 пуд<ов> и бабу 23 пудов из Вологды.

В деревне опять носят кики, сарафаны, алекс<андровские> платки.

Старик слушал, слушал. Руку не подал: ты дьявол.

Россия,— неизмеримые земли, неизмеримые богатства, всевластие империи,— породила идею грандиозности. Дерзновения, непримиримость, планетарность, беспредельность,— вот окраска Революции. Ничего не жалко, ничего нет недоступного, мир миру, пожар Земли,— вот психологические предпосылки. Грандиозность, как сознание, как форма мышления, как [качество] строй души — вот один из краеугольных камней новой морали. Грандиозность — очень восточная идея. Она проникла через Грецию, Рим, империю Карла Великого, француз<скую> револ<юцию> в Россию. Там она столкнулась с дремавшей восточной идеей ⁸³.

Рассказ Радлова ⁸⁴

В зале усадьбы танцуют кадрили — поп, дьякон, девки. Сын кучера — на гармонии.

Лошади устали от физического труда.

В цирке

Он протянет руки вертикально к своему организму.

1) Аппарат, делающий людей (личности), оказался недостаточен.

2) Капиталист<ический> строй (XIX век) стал готовить вместо личности — работника.

3) Необычайная плодовитость. Культура [жилищ] обеспечения жизни.

4) Рождаются массы. Человекоподобные. Слишком много их.

5) Великая война. Человекоподобные борются за право жизни.

6) Анархия. Человекоподобный на свободе.

7) Русская революция. <...>

8) Постройка нового аппарата. <...>

9) Новая мораль. Коллектив⁸³.

Шкет — штаны клешем.

Висят на ветках над прудом, где купаются девчонки.

Туманный вечер, озеро, купальщицы.

Табор цыган. Сидят, глядят на огонь.

Подняла ребенка, поцеловала в голову, положила на другую сторону.

Извольте полюбоваться — Буфф.

Весело до последней степени.

Крым времен Слащева.

Духи и вино. Яхт-клуб, музыка, женщины. Все живут мгновением. Страшно врут о прошлой жизни. Мороз. Норд-ост. Приходят пароходы из Керчи и Новорос<сийска>. Полузамерзшие люди.

Слащев на вокзале. На автомобиле прямо на перрон. Белый казак. Охрана — эфиопы в зеленых халат<ах> с кривыми саблями.

Едет на фронт с женщинами<...>⁸⁶.

Оленин Б. В.⁸⁷

Концентрация света, химических лучей. Луч — волос. Ультрафиолет<овый> луч — вместо электр<ического> провода. Бурение скал. Бурение земли.

Лаборатория на острове в Тих<ом> океане. Владычество над миром.

Начало: тундра. Ледовит<ый> океан.

Комната электр<ической> спайки. Все желтое.

Шамонит — чистый углерод.

Удельный вес земли 8, оболочки земли 3.

В центре земли — платина, золото, уран, торий, цирконий.

Оливиновый пояс: железо, оливин, никель (метеориты).

Постройка прибора из парафина. Обложили серебряной фольгой.

Гальванопластика медью.

Бурение земли.

Охлаждение жидким воздухом. Подъем электромоторными вагонетками.

Игра на бирже на понижение. Взрыв мостов. Взрыв фабрик.

Когда Ленина опускали в могилу, Москва и Петроград ревели и выли.

Ветер. Мороз. Костры. Толпы.

Из поездки на юг⁸⁸

За Смоленском. Туманное утро, разлив Днепра. Полые воды, плоские озера. В воде леса.

В вагоне. Рассказ коменданта поезда о бандитах, выходящих из Польши с определенным заданием. Они набирают местные банды.

В красноар<мейцев> отстреляли поезд от банды.<...>

Всюду на станциях на еще голых тополях — грачи. Крики. Гнезда.

Минск. В «Баре». Полная девушка за прилавком. Еврей во френче. ...Кусочек селедочки и печеночки...

— Садитесь за стол, вы мне не мешаете, а даже наоборот.

— Я вас смутил немножко.

— Чем?

— Моими песнями⁸⁹.

Ватерклозет пишут с большой буквы.

В Бобруйске. Собрались в прихожей в сумерках около печки.

Сумасшедший еврей:

— Вся красота в сумасшествии.

Он рассказывает, что его любит Вера Холодная⁹⁰.

— Почему вы не хотите умереть?

Провинциальная актриса (про нее говорят: у тебя зонтиком в голове помешали⁹¹): женятся, выходят замуж случайно. Какое там — любовь. Посмотришь: если человек чем-нибудь может улучшить твоё положение — выбираешь его.

О жизни вне Смоленска она знает только по синематографу и не верит ей.

Мечтала попасть в Минск, а попала, разочаровалась, хотя дома здесь выше и публика одета богаче.

Часто зевает: о-хо-хо...

О Париже: «Неужели каждый день ванную? Соскучишься»⁹².

«А в частных квартирах даже кровати под балдахином?»

Из богатой купеческой семьи. Рев^олюция ее разорила. Девственница.

Гомель. Базар. Как баба продавала гуся еврею. Вырывали гуся друг у друга, глядели в нос. Кормили коркой. Не могли сосчитать миллиардов⁹³.

Милиционер со страшными усами басом орет на баб.

Банн^ый веник 2 миллиарда.

Баба разделась до пояса, ищет вшей.

Вид на разлив. Леса, деревни — в воде. Полосы снега на обрывах. Крик грачей.

В Киеве. Извозчик (с золотыми зубами, простой парень) — Яшка. Лошадь зовет «Граф Табуреткин». — Трогательное название. Лошадь его играла в «Разбойниках» в театре.

Разлив Десны. Островки с овцами. Через реку движется древнее судно, похожее на корабль викингов, — перевозят скот.

На даче

Рассвет. Тишина. Сквозь стволы еще мертвенный, оранжевый свет. Небо еще непроглядно. В холодке вершины сосен медленно шумят о смерти, о вечности.

Шурина сестра, Н. П., никогда ничего не читала, кроме журнала «Ямки, канавки»⁹⁴.

Здравствуй, сволочь.
Прощай, сволочь ⁹⁵.

Не тем будь помянуты бандиты — паровоз и два вагона угнали.

У нас, окромя женских глаз, ни одни светила небесные не греют — лютый Север.

Везут покойника:
— Один домой поехал.

Стиль...
Пробочная мастерская — первая ласточка в выявлении результатов конкурса... ⁹⁶

Рас<сказ> Шапорина ⁹⁷

В Малорос<сии> бабы поругаются. Станет в лазе на плетне, поднимет юбку, нагнется и глядит на врагиню между ног опрокинутым лицом. Через это — и ведьмы.

В клубе

Я не так ужасно образованная, но все-таки. Здесь самое дно — мрак. Марго все, что заработает своим телом, в тот же вечер проигрывает. Страшная дура, несчастная. Играть — нужно жучка. Я — падшая женщина.

В Знаменской гос<тинице> — растратчики.

В баре, в особенности сзади, — нэпман, и можете себе представить, все — налетчики.

Нашел кому ручки целовать — задрЫге.

ТряпУшка. <...>

Ну, что ж, что толстая, муж лучше любить будет, — есть на что поглядеть.

Никита ⁹⁸ (маленький), ложась спать, просил ему говорить добрую буку — э-э...

Кот обнимает Джери и целует ее в правую и левую щеку.

У кота с мороза лапы пахнут валенками.

Спекулянт со стеклянным глазом — о рыбных промыслах. Его жена на всякий случай учится шить модные платья. Развивает дело, чувствует, что фининспек<торы> окружили, бросает, — другое.

У бабы 9 детей. Окошки разбиты, затянуты тряпками. Мужик, баба уйдут, у детей драка, грязные, исцарапанные.

«Их палкой бить — не убьешь».

Морозная ночь, на Васильевском).
(Возвращался с концерта). Луна, голубой свет. Пахучий воздух. Мороз. На углу, у поста милиционер и пьяный рабочий. «Я старый мастеровой». «Идем спать. Спать хочешь». Свалился к огню, протянул руки в огонь... «Куда тебе идти, замерз, как кочерыжка». Милиционер не спеша пошел за извозчиком. «Жена заплатит...»

Конан-Дойль про Африку:

«На всем дыхание смерти, какой-то скрытой муки»⁹⁹.

Рассказы про Север

Медведь караулит, закрывает лапой глаза и поет, чтобы не видно было черного.

В океане мириады водяных тараканов. Из них можно добывать хитин.

Лавруша дрался со швейцаром, выскочили на трамвайные пути. Извозчики, — вали, вали, вали, вали.

Проснулся с засученными рукавами.

Мои умственные и духовные интересы разрушены с самого начала их возникновения. (Ей 20 лет).

Почему, почему у вас такие чулочки, такая юбочка?

Красивые глаза красивой секретарши — это про меня¹⁰⁰.

Животное мыслит при помощи конкретных предметов, оно способно делать выводы. Но животное лишено способности представлять себе предметы и, стало быть, мыслить при помощи воображаемых предметов, т. е. отвлеченно.

Мыслить при помощи воображения может только человек. Искусство является функцией только человеческой, т. е. высшей способности. Искусство есть развитие аппарата представления, фантазии, высшего мышления.

Искусство дикарей носит на себе следы этой отличительной от животных способности, оно свежо и не засорено дальнейшим развитием разума. Разум в дальнейшем начинает пользоваться эту способность для практических целей. У дикарей она бесцельна.

Цивилизованные народы должны проходить через период упадка искусства. По всей вероятности, это неизбежно. Но должно наступить время, когда отложится или разовьется снова способность представления, но уже в высших формах. Может быть, это будет развитием музыки и литературы, танца, но не живописи¹⁰¹.

В уездном городе доктор раздавал спирт и угощал им под названием: «Младенцовка».

Это верно. Но причина, почему человек отпадает от природы и начинает строить свой мир, призрачный, без влаги (страница 28).

Мир — разума?

Причина — в числах. За 100 лет население Европы увеличилось в несколько раз. Природные законы — отступают беспомощные. Нужны законы новые, — законы масс. Законы индустрии. Законы разума-организатора.

Классовая борьба есть лишь начало борьбы человечества, быстро начавшего размножаться, за жизнь на земле.

Природа отступает, начинает жить непонятной нам жизнью. Город ей враждебен, природа непонятна городу. Город есть организатор новой философии жизни. Предстоит страшное время, когда человеческие массы уже отойдут от природы и еще не вырабатывают в себе новых инстинктов, новых чувств, новых радостей. Это безвременье будет адским временем (страница 56).

Мотив

Они расстались. Прошло много лет. При встрече она повторяет давно забытые слова обиды. Как будто за этот период разлуки ничего не сдвинулось. Это потому, что она жила в нищете, в мелких заботах. Время прошло, как сон. И вдруг те же слова обиды (ты относишься формально), — они смешны, и жалко... ¹⁰³.

На яхте рулевой финн — Матти ¹⁰⁴.<...>

Муж сказал:

Я спал, спал, потом пришел на подушку угроб (клоп), сердитый, тооооненький.<...>

Что из того, что родные, погостила день, погостила другой, и они начинают стонать.

Замечательно — в Ленинграде — если вы спросите — какое сегодня число — все начнут переглядываться, затем искать в газете.

Способ взятки (для пьесы ¹⁰⁵)

Сидит зав. и тот передает взятку. На столе портфель. Разговор доходит до пикантного места. Зав. выходит. Возвращается, в портфеле — 200 р.

Он поставил себе целью растратить 20 тысяч и, когда проживет, — застрелится в ресторане под похоронный марш.

Один (на углу утром):

— Ученье свет, а неученье — тьма.

Другой (с подвязанной щекой):

— А бывает — учишь, а он дурак.

Бразильские бриллианты не в моде. В моде канские, плоские, они кажутся большими.<...>

В сел<е> Сусл<овка> Щегол<ев> ¹⁰⁶:
Лавруша ¹⁰⁷ и я. Бабочка. <...>

Мальчишки, проходя по набережной:
— Он как урежет Машку железной палкой, да как начал ее топтать, так кости у нее и хрустят.
— Ну, он страсть здоровый.

Управдом из окна:
— Граждане, вы чего колбаситесь?

«Я вам помогаю 2 рубля».
«Эклераж. Покажите ваши деньги».
Письмо от дяди из Америки.
Засыпает. Будят. «Я играю»... Бежит к столу.

Обедали со столяром.
«Сырость — это большой враг для мебели и для человека, конечно».

Что, ведьма, боишься смерти?
Все лицо ей оплевал.
Морда у него красная, вся трясется.

Сапожник, пьяный, боится жены, она сидит на дворе, смотрит, чтобы он не удрал. Он переодевается в женское платье. Она его накрывает.

<...>Рассказ Радина. Под Кронштадтом. Ворошилов ¹⁰⁸.

Поэт, который прибежал к Кран<диевским> читать стишки, извивался, все — в два смысла. Подвал, прямо по Розанову ¹⁰⁹.

Хорошо вернуться в зимние сумерки, топится печь. Зажечь лампу на письменном столе. Строго. За окнами зимняя тишина ¹¹⁰.

Кухарка говорит:
— И сейчас на лестнице два кота сидят. А знаете, как они дерутся, как мужики, так и хлопают друг друга. А потом на лестнице — шерсть. Вчера одного чуть-чуть палкой не достала.

27 год. Лето ¹¹¹

На Валес. Ночью у пустынной пристани. Обрывистый берег, нос баржи (не доезжая Саратова). Глубже — неясно, и только когда мигает далекая молния — видно, что налево деревья и крыши.

На Касп<ийском> море ¹¹²

Бледно-апельсиновая щель заката, кое-где прикрытая прозрачными клубами тумана. Печальный отблеск моря. И кажется, там — где вечерняя заря — неясно проступает очертание берега. Это земля — счастья. О ней пел кумык, играл, играл на трехструнной гитаре. Пел о любви с печальной и сладкой безнадежностью.

Пом<ощник> капитана говорит:

Это (Петровск) — гнилой угол. (По поводу зарниц в горах). Баку тоже гнилой угол. Энзели — гнилой. Астрахань — совсем гнилой угол.

И мрачно подперся.

Исады

Ярко-зеленые холмы, дорога в гору. Обрывы красной глины. И монастырь на холмах над Волгой.

Плес. Светлая, цыплячья зелень. Крутые холмы, на них беседки, березы, зеленые склоны. Кричат грачи. Розовые дома.

Помещик разводил судаков. Жирели, но не росли. Писал в Мюнхен. И т. д.

Мужик сказал, пусти в каждый пруд по 5 щук. У судаков страха нет.

Грузин-муж телеграфирует любовнику жены: если хочешь умереть на родине — приезжай в Тифлис.

Рассказ Радина о курьеже в Метрополе с Дальским. Он вызвал анархистов, вошли пятеро в черном, с бомбами. Реквизировали половину запаса у постояльцев ¹¹³.

На трамвае:

— Мужики в 10 раз нас умнее и великодушнее...

Мы паразиты — пролетарьят. А вы на нас работаете.

У нас семичасовой день, а вы 24 часа работаете, да и зарабатываете себе на лапти.

Мужик: это верно.

Контрагитация: девки перед причастием мажут в ц<ерковной> сторожке щеки решником ¹¹⁴.

— Кули Чемберлена — этого мужики очень боятся, чтобы не обозвали ¹¹⁵.

Приказ:

Городовым входить в храм божий без усилий.

Конст<антину> Петровичу¹¹⁶ подарил книгу один профессор. «Замечательная книга». Прочел заглавие. Прошло 20 лет. Еще не прочел, но приблизительно знает, что в ней,— гениальная книга.

Взяв ее с полки, вытер пыль о зад штанов. Ночью Конст<антин> Петр<ович> лежал, думал. Вдруг увидел,— понял. Вскочил в одной рубашке. Холод. На коленях на кресле писал при керосиновой лампе.

Показалось, что загорелись волосы.

Начало рассказа о смерти В. Вульф:

...Это было... Да, это было в моей юности...¹¹⁷

Проститутка говорит:

Если я бы не была хитрая, я бы была идиотка в полном смысле... Я бы нашла более твердую почву после 40 лет, но не воровала.

Лоцманские фамилии:

Радылевский.

Андриановский.

Проситель:

— Я был бухгалтером, в настоящее время без места, 5 человек детей, старуха-мать 105 лет, кровоточивая жена...

Змея-удав ест раз в месяц, сразу съедает тридцать завтраков, тридцать обедов и тридцать ужинов. После этого она спит.

В вагоне (в Царское)

В вагоне — беззубый с портфелем, в кепке, рассказывает, похохатывая,— какие у них ребята: без нагана не ходи — убьют, как мышь.

Запел: «За милых женщин, прелестных женщин, любивших нас хотя бы час».

Две девушки радостно обернулись, переглянулись.

— Маляр Ермаков, пьяный, обозлился на жену: Кто лучше знает, ты или я... Тебя спрашивали? Воз песку, воз глины... Это что же получается...

Кухня, дом, столик с коричневой клеенкой, два табурета.

Мир есть — чудо.

Пробудиться ото сна и оглянуться — чудо.

Вот отчего такая радость пробуждения у ребенка.

Познание не отдельных элементов и законов, а всего чуда в совокупности — искусство. В нем — глаза пробудившегося ребенка.

Не забыть — приехала Туся в Москву и когда угощали, отказывалась, говорила: я в Клину съела пирожок¹¹⁸.

Официант в баре говорит: «Служба легкая, публика нетребовательная, но во сне бывает тяжело,— всю ночь видишь эту сволочь» ¹¹⁹

Ночь. Тверская, мокрый снег, хриплые проститутки. Впереди по Страстной хлопающие револьверные выстрелы, сильный и круглый винтовочный выстрел. Все молча продолжают туда идти. Но вот несколько груженных телег и извозчиков остановилось. Извозчик повернул в переулок: — Тут еще убьют.

На углу ночные типы. Один восторженно, размахивая руками: «А ведь кого-то хотят убить». — И — глаз в мою сторону. Я повернул.

Схсма [идей] человека

Отвращение к жизни.

Протест. Отсюда — искание человека.

Радость встречи. Любовь.

Мир кажется, как чудо.

Но жизнь непрочна, хрупка, недолговечна.

Протест, тоска смерти, искание бога.

Но мир требует тебя. И ты снова стоишь перед ним не как перед чудом, а мир — повседневность.

Тогда или неприятие, ты — бессилен бороться, — самоубийство, или — уход — монашество, или борьба — большевизм.

Большевизм — это желание сделать мир — чудом.

Столкновение человека (большевика) с миром.

Мир, вся косность, противится, щетинится.

Мир разъяряется.

Человек для него — насильник, разбойник, антихрист, *черный Прометей*.

И вот чудо жизни превращается в рассвирепевшего Левнафана. <...>

И человека, как черного Прометея, приковывают к скале Неподвижности, и коршун — слепой коршун, клюет ему печень. Но это никогда не конец. Та и другая силы — вечные. Снова повторяется тот же круговорот. Борьба сильнее, ожесточеннее.

Скала Неподвижности дробится и рушится.

Вечна вера в превращение мира, в чудо. <...>

Рассказ Островского ¹²⁰

О: Щорсе, Боженко.

Щорс команд<ует> дивизией.

Богунская бригада, торощанцы. Житомир.

Боженко в Новгороде-Волынском.

(И так далее, и так далее)

Вбежал красноарм<еец>, разорвал рубашку: меня комиссар бригады в грудь ударил.<...>

На вокзале в буфете

«Я пару выпью, постучу, опять выпью, опять постучу...»

Он (офиц<иант>) мне говорит:

«Ты что — обожраться хочешь?» «Я говорю — так неаккуратно говоришь» ¹²¹.

...

— Куда я еду — не поправляюсь...

— Почему?

— Погуляешь, леса нет, один берег, степь... Каждый день — бутылка или полторы... Ни за что не поправляюсь... ¹²²

Пьяный:

«А ты где был в 18 году?...» ¹²³.

В парке траурные ели, увешанные, как на рождество, золотистыми шишками...

Не забыть: пунцовый закат в парке, за черными елями, — низко за ними.

Снялась с дерева длинная, как веретено, серая кукушка, летя, куковала, села на вершину, на ветку и куковала гулко и печально.

Мужик ругается...

Ему: А ты не разгружайся, тут не товарная станция.

[Две культуры]

Одни добиваются, чтобы перед людьми не было стыдно.

Другие, чтобы перед самим собой не было стыдно. (Это по-русски).

Или:

Одни — чтобы люди уважали.

Другие, чтобы сам себя уважал. (Это по-европейски).

Давление жизни (в биосфере)

Роль жизненных процессов — передвижение химических элементов биосферы.

Круговорот атомов.

Роль живого существа — превращение энергии — в работу.

Сущность жизненных процессов заключается в *максимальном* их проявлении. Эволюция жизни — совершается в сторону увеличения давления жизни.

В [Пят<игорске>] Железноводске ¹²⁴ поздней осенью появились 6 беспризорных. Штаты милиции всего: начальник отделения, бухгалтер и милиционер. В городе паника. Беспризорные ходят наглые, как хозяева.

Они были влюблены друг в друга, когда были студ^ентом и кур^систкой. Она вышла замуж за другого (видимо, за богатого). Прошло 20 лет. Она тосковала дома в тот вечер. Пошла в оперу. Чьи-то глаза. Узнала. Он. Вышли в фойе, страшно взволнованные. И больше не разлучались.

Нищая:

Подайте на мое несчастное трудовое калечество, обратите внимание на мое несч^астное трудовое калечество.

На Детс^ком вокзале ¹²⁵

Молодой челов^ек в кепке выпил — стопку водки, стакан лимонаду, стал есть пирог. С поразительной быстротой лицо его осунулось, глаза помутнели. Он спросил еще 2 пирога. Взял книжку — юморист^ические рассказы. Стал читать.

Пьяненький рабочий грозил кому-то. Отдал жене последние 60 к. Когда поезд тронулся, он сказал: «Ну-ка», лег к ней на колени. Она положила на него руки, глядела в окно. <...>

Человек (иностранец).

Сидит, слушает собес^едника. Лицо улыбающееся, заинтересованное. На секунду, подцепляя что-то вилкой, он опускает лицо к тарелке, и, вдруг, лицо на эту секунду распускает мускулы — усталое, постороннее, жестокое. И вновь — весь — любезное внимание.

Вагоны под стеклянной крышей вокзала стоят серые от [иней] мороза.

Он рванул на ней глазетовое платье и начал покрывать безумными поцелуями ее розовые бюсты ¹²⁶.

В Луге ¹²⁷ по городу ходит пожарный козел. Ходит встречать поезда, заходит в лавки. Пожарные выкрасили его красной краской. <...>

Какие-то мгновенные, страшно волнующие неясные впечатления, как будто воспоминания о чем-то, осколки какого-то очарования...

Чистя башмаки, взглянул на свою ногу, стоявшую на асфальте, ветер из-за угла, негреющий свет солнца... Мгновенное очарование...

Небо над Питером, под вечер, облака, северный свет угасания, прохлады, мост через Мойку, дом в тени...

Когда явно красиво, ярко, радостно, — это не волнует.

На Волге, на пароходе, маленькая девушка (ест из жестяной банки понемножку). Читает газету с хихиканьем. С ней — девушка. Они все время: любезный капитан, когда мы придем? Капитан,

проведите пар〈оход〉 по правой чале... Черти, дьяволы, отплывайте... Хихикает, мелко заливаясь смехом, сказала комплименты, потом приказала капитану ругательным словом. Поправляет прическу на сморщенном лбу.

У Федорова ¹²⁸ мол〈одой〉 человек рассказывает осовевшему от водки сторожу:

...В ответ на это я мог получить все, что угодно, но только не записку из загса...

Портниха:

«Гляжу на вас и облизываюсь...».

«Придет актриса изящная... Разденется,— кошка. И пахнет кошкой».

Возвращаюсь с охоты ¹²⁹. Октябрь. Рассвет, сыро, туман. Желтые деревья. Меня подвозят. Старик (на козлах) и старуха,— говорят про охоту, ругают какого-то Сашку, что не охотник, а пьяница. Про войну. Про хлеб. А раньше-то — на выбор — ту не хочу, эту не хочу.

«Довели домок, не надо и замок».

Фефка ¹³⁰ рассказывал:

На заводе (телефонном) рабочий подходит к практикантам (студ〈ентам〉), спрашивает,— что делать? Ему изменила женщина, должен ли он мстить всем женщинам?

Ему отвечали: это не культурно. Недоволен.

Рассказывал. Он влюбляется в нескольких женщин одновременно. Удручен этим. Спрашивал доктора. Тот сказал: валяйте.

Наварили, как на Маланьину свадьбу.

Свадьба в Пóдгорье ¹³¹

Поздравили невесту и жениха. Она: можно идтить?

Председатель сельсовета — один из крестьянских вождей. Умный, насмешливый (черный пиджак, белая косоворотка).

Танцы. Одни девушки, все одинаково причесанные. Надушенные. Застенки на образах. В избе — много городских вещей.

Комната РИК'а.

Один стучит на машинке. Сборный хлам. Рядом в большой комнате — устроена печь, живет семья.

Коле Радину один нэпман в экстазе (за обедом) подарил вставной глаз,— вынул из глазницы ¹³².

В вагоне две женщины в плюшевых шубах, оренбургских платках. Вошел пьяненький. Одна из них: «Были в доме культуры на балах, там было интересно... <Далее прэб.>».

Старик-извозчик: «Я был извозчик, теперь — путешественник».

Страшный человек на Николаевск^{ом} вокзале: тонкое и когда-то красивое лицо, изможденное, застылая улыбка, выбитые зубы. Бешено толкает всех, ищет случая всадить нож.

Два инженера в купе и боль^{шевик}-хозяйственник.^{...} Инженер с широким лбом, крючковатым носом и чистым лицом непьющего человека — стирал с лица улыбку, слушая другого. Когда выпил стакан чаю — большие древние глаза увлажнились.

Другой говорил, как Бунин. В губах ирония...

Рассказ Карнашовой¹³³ про собаку. — Огромный, дикий... Бросилась, схватила за шею. Повалил, она опять. Почувств^{овал} мясо, пошел... Нарыв на лапе, взял зубами за руку и сдался.^{...}

Из поездки на Сясь¹³⁴

Сем^{ен} Никол^{аевич}.^{...}

Ко всему прибавляет «агрегат».

Вместо сюрприз — чуприз.

У меня, конечно, мысль есть, честное слово, только слушать меня долго (подвыпимши).

Когда выпью — одушевляюсь.

Она забеременела по природе своего положения.

Девки поют гамом, то есть не поют, а кричат.

Выплюсь — у меня придут гениальные мысли насчет строительства.

По телефону: «Я извиняюсь, я звонил заместителю заведующего, отвечает его, как сказать, совместно живущая. (Нам не оказывают никакого содействия, скажите — что нам делать...)».

Мастеровые за водкой, как вечер, как гуси плывут (в Сяськие Рядки).^{...}

Старуха (на Балахне) устроила в печке три яруса для варки щей... Мужик пускал в избу 25 человек, спали на соломенном тюфяке во весь пол.

В Сяських Рядках в палисаднике под кустом сидят мастеровые, выпивают, поют — дура, дура, дуралей... Потом — пьем с надеждою чудесной. И т. д.

13 лет была революция, а старая Россия только теперь умирает.

В Судак приехала жена нач^альни^{ка} угрозыска, красавица, за ней — ухаживают. Мужу донесли. Он приказал агентам следить. Тогда начались кражи.

У геолога реденькая седая борода, весь подбородок в чернильном карандаше.

У казачки. Беленая хата, тюлевые занавески. Весь угол в иконах, прав^ославных^х и католич^еских^х. Кровать с подушками. На видном месте — клистирная кружка.

Тамань — древнее Канн. Древняя Фанагория, — хутор Сенное, где хлопковый завод ¹³⁵.

Солнце опустилось, будто не успев остыть после знойного дня.

На Крымском берегу.

Зарево — металлургических печей Брянских заводов. Правее — мигают маяки.

Купаемся. Камни, водоросли. Над обрывом встает блестящая теплая луна. Ищем — где же лунные отблески лермонтовской Тамани. Залив — лилово-ночной, павлиньего пера. Ночной ветер.

В Темрюке на базаре под столбом нищий — патриарх — сидит, на коленях древняя книга, не поднимая головы, читает.

Море гуляет.

— Зашел переменить. Видите — козырек лопнул.

— Извиняюсь, вы его держали на жарком месте.

— На лбу держал.

— Я и говорю... Хорошо, перемену.

— Пока.

Волга. Светлая ночь. Звезда в зеркальной воде... Встает красный лунный серп.

Другое... Вдали лунный свет за обрывистым берегом. Воспоминания чувств, ускользающие, как солнцем пронизанный туман, сладкие и печальные...

Низкая и тоскливая половинка луны в черноватом небе над тусклыми заливными лугами...

Заречная полоса под Симбирском, где все, все давно умерли. А я еду и вспоминаю... ¹³⁶

Шинель снизу забрызгана грязью, такая длинная, что из-под нее мелькают только шпоры.

Я посуду мыть, а она (нвестка) весь день бегает по углам, как лошадь.

Усольский горсовет:

«Всем гражданам предлагается заказывать могилы заранее, т. е. с лета, потому зимой рыть тяжело, а земля мерзлая. На основании постановления Горсовета от 5 июля тарифникам могила стоит 4 рубля, нетарифникам — 8 руб.»¹³⁷. <...>

Омовение ног, так подчеркиваемое в Евангелии, указывает на то, что Христу придавали значение национальное, может быть, общевосточное — омовением ног возвращали старый обычай — садиться по-турецки на ковры, в противоположность римскому обычаю сидеть в креслах за высокими столами или возлежать на ложах. Омовение ног идет еще от кочевых времен.

Наш мир есть проекция [истинного] реального, четырехмерного мира на поверхность трех координат (на трехмерность). Как проекция трехмерный мир — условен, нереален, — это наш метод мыслить, и только идеальным выражением нашего старого, до Эмпирейновского мышления была Эвклидова геометрия.<...>

Роман о Ломоносове

«Несвоевременная жизнь».

Задуман 8 окт<ября> 1931.

Куплена вчера за 55 коп. книга Меншуткина о нем¹³⁸. Неделю тому назад убеждал Андронникова написать о Ломоносове.

Псковские называют себя — скобары.

Деревня Волынка, где живут носики — грузчики леса. Рука — двенадцать человек. «Одного убили песоцником за то, что под калуцкую плясал пскопскую».

Балансы, приборы.

В вагоне... «Матрос с Бендикова болота»...

«Ты по Сенному рынку плавал». Матросу хочется подраться...

Ругал публику: «Гады, паразиты, мещане...» Несколько раз. Молчание. Потом один начал отвечать, но до того витиевато, что все удивились. Инвалид. Ему: «Тебе еще две ноги оторвут».

В Неприе¹³⁹. Ночь. Круглая луна над озером. За озером пожар. В бинокль видно — раскаленные стропила крыши и небольшой дымок. Кучка людей. Бежит баба в сапогах, прижала руки к тощей груди, задыхаясь, охает и причитывает. Мужик бешено застучал в ставню. Вдалеке на поле голоса бегущих мужиков. Засуетились оживленно девки с веслами. Баба в сапогах опять пробежала. И в эту минуту чувствуется, как страшная истерическая темнота колыхнулась по всей деревне театральным возбуждением.

Дано в Академию наук¹⁴⁰

1) Восемнад<цатый> год

2) Хожден<ие> по мук<ам>

- 3) Zar Peters...
- 4) «Аэлита» [по-шведски] по-датски
- 5) «Аэлита» на эсперанто
- 6) «Аэлита» по-немецки
- 7) «Ибикус» по-французски
- 8) «Leitenant Demjanof»
- 9) «Die Liebe»
- 10) «Modravú města»

В деревне Сороковицы пили чай у раскулаченного кулака. 61 год. Своими руками построил дом. «Не ко времени». «Для чего буду работать, если все не мое».

Государство говорит, «обрати свою энергию (а энергия у него была колоссальная) на высшие формы труда». Он-то не обратит. А сыновья его обратят. 100 мил<лионов> человек строят себе избы и живут в них с клопами, в грязи и невежестве. Если всю эту энергию обратить на высшие формы труда ¹⁴¹.

Рассказ Качалова ¹⁴²

Ямщик. Лунной ночью проезжает по гати Горелое болото. Направо, налево — редкий ельник. Вдруг почувствовал, что сзади нехорошо. Выглянул из-за парусинового верха тарантаса. Сзади прямая дорога. Белая точка приближается зигзагами. Выглянул во второй раз, — настигает человек. Ямщик повалился. Кто-то прыгнул на верх тарантаса. Сверху две руки и харя.

Казни в Париже. Процесс. Казни в Версале ¹⁴³.

[Человек, когда он обращается к самому себе — жалкий, как ребенок. И все мельче и мельче, а грязь все выше и выше. Остается — теплится огонек души] <...>

Декабрь 1916 г. ¹⁴⁴

Кавалергарды дерутся раз в 100 лет. В 1914 году в В<осточной> Пруссии кавал<ергарды> брали лобовой атакой пушки. Командир полка кн<язь> Долгорукий по традиции шел с сигарой во рту и громко ругался по-французски. Пушки оказались испорченными. После казачий есаул сказал: «Послали бы меня с 10 казаками — я бы их там вывез».

Минск. Зашел купить иголок в лавочку с замерзшим окном. Старый еврей считает деньги за прилавком. На стуле сидит старуха. Оба одеты в грязные тряпки. Подле стоит их сын — солдат, писарь. Старик морщится, муслит пальцы. Сын грубо выхватил деньги. Старик покорно заморгал, поднес окоченевшие руки к чугунок с углями. Старуха резко заговорила что-то, потом вырвала чугунок, поставила на колени и сама сунула туда руки.

Рассказ Алексея Степановича ¹⁴⁵

В феврале 1915 года отступали к Августову. Дивизионный послал меня узнать, не обойден <ли> левый фланг. Поехал. Подо мной рослый молодой Тунтер шлепает по талому снегу. Перебираюсь через разлившийся ручей, минуя мостик. Вернулся к вечеру и у деревни попал под артиллерийский обстрел. Улицы полны войск, обозов. Рвутся тяжелые снаряды... Давка. Ругань. Добрался до избы. Нервы натянуты. Под окном хрипит на завалине, умирает от истощения солдат. Ужасно даже выглянуть на улицу. Сажу на лавку, курю. Входит дивизионный, спросил о результатах разведки, сказал: «Отступаем в шахматном порядке (поротно), отвезите донесение в 30 полк». «Слушаюсь». Тяжелое предчувствие. Выхожу на двор, выбираю 6 казаков и верхового Матвея. Фонарик испорчен. Беру у товарища. Едем. На горизонте горят деревни. Темнота, только в лужах и колеях багровый отсвет пожара. Различаю силуэты солдат. «Какого полка?» «Тридцатого». «Почему идете назад? Как вам не стыдно, сволочи. Лучший полк, а бежите...» «Да нас, в<аше> в<ысокопревосходительство>, совсем разбили, ротного убили». Дальше опять кучки идущих солдат. Такой же разговор. Подъезжаю к ручью. Налево атака, крики, выстрелы (как потом оказалось, это был резервный батальон 30-го полка). Деревня, где я был давеча, пылает на горизонте. Ищу мостик, около которого, знаю,— брод. Тунтер заупрямился, не идет. Матвей говорит: «Позвольте, в. в., я вперед поеду, у меня лошадь старая». Проскакал вместе с казаками. На том берегу силуэты. Вынимаю фонарик — не горит, кричу — «Которого полка?» — «Хальт, хальт», поспешные голоса. Бросаюсь влево. Залп. Тунтер валится в окоп, придавливает мне ногу. Вынимаю револьвер и пакет и жду. Немецкие голоса. Шлепает кто-то. Оказывается, Матвей бросил лошадь, вернулся, выпро-стал меня, помог лошади подняться. Поскакали назад. Остаткам 30-го полка приказали залечь и отстреливаться. Вернулся измученный. Заснул на лавке. До утра чудились крики атаки, голоса «хальт»...

Лунной ночью за собором в узких и старых улочках навешаны еврейские лавчонки. Подряд 6 парикмахерских. У прилавка посатая девочка с вьющимися волосами наливает кофе. Кто-то бросился из лавки через улицу и скрылся за дверью.

Поехали с Никитиным ¹⁴⁶ в рай — в деревянный домик в парке... Чисто. Фикусы. Рояль. Старинные картины. Неожиданно Никитин стал говорить о себе, о том, как любит двух женщин и не может весь принадлежать одной. «Я банкрот. Всю эту путаницу может разрешить только смерть одного из нас трех».

Рассказывал о том, как однажды у него попросил милостыню старичок, он его оборвал, стало жаль, расспросил и устроил на службу в депо. По воскресеньям с утра старичок приходил с визитом. Приходил Савва Морозов, любивший в то время Андрееву ¹⁴⁷, приходил в тоске рано поутру и подолгу беседовал со старичком.

К Никитину приехала вторая жена, полная, молоденькая, с дикими глазами. В верблюжьей фуфайке. Топили печь. Пили чай. Никитин ходил по комнате. Было напряженно и молчаливо. У Никитина бесконечно грустные глаза. Жена вздыхала нечаянно и тотчас смеялась, хлопотала за чаем, у печи, которая плохо разгоралась. Пел тепором Ашкинази сладкие романсы.

Ракеты: белые — осветительные, зеленые по два — участок обстрела, красные — артиллерийская тревога, синие — газы.

Немец каждый день в 4 ч. 18 м. спускался на колбасе пить кофе. Проверяли по нему часы.

Поездка с Медведевым¹⁴⁸. Толстый доктор — любитель писать рассказы из астрономической жизни. Смеясь, морщится по-собачьи.

Ночью падал крупный снег навстречу летящему автомобилю. Точно легкие миры неслись и пропадали в темноте. Встреча с Блоком. Он сказал:

«Когда-нибудь вспомним, как молча шли по станции в Парохонске»¹⁴⁹.

Князь Друбецкой-Любецкий¹⁵⁰. Его жена — увядающая красавица. Жуткий ветхий дом, где было много скрытых преступлений. Князь маленький, толстенький, ласковый, с бородой, как у Ибсена, потихоньку поехал жаловаться и ябедничать генералу в вагон. Долго надевал валеные калоши, кланялся, улыбаясь, вылезал из вагона.

*〈Из записей на разрозненных листах,
вложенных автором в Дневник 1917—1936 гг.〉*

Новая жизнь и новый человек — работа. От встреч с человеком не ждет ничего, так как этот встречный такой же, как и он. Вне иллюзий. Отдых. Если и ждет чего-то — знания.

Равновесие, оптимизм здорового существа.

В Овисдо. Испанцы перерезали [провода. Новый метод борьбы.] Провод, снабжающий электроэнергией завод.

Уязвимое место городов будущего. Борьба за энергостанции и провода.

[Сюжет для пьесы] Для пьесы¹⁵¹

Постройка города на 1 мил(лион) человек под одной крышей. Все производ(ственные) процессы внутри. Искусственное освещение (...стекло).

Бригада — разрушители старого быта.

Столкновение со старым бытом.

Новое в любви. Психология веселого отряхивания.

Рассказ Реприна¹⁵² о темпах за границей. Буржуазия безумствует на рекордах. Гонки аэропл(анов) и поездов, аэроп(ланов) и автомобилей.

Тысячи жертв. Гонки моторных лодок.
Человек, который молчит (на Пар<ижском> бульваре).

Тема пьесы ¹⁵³

Новое в человеческой психике: — народ, вырастающий в 3—4 года из каменного века в век (радиоволн) электрификации, относительности, диалектического мышления, воздушных сообщений, радиоволн и социализма.

Опрокинуто прежнее понимание медленной эволюции.

Русская пятилетка — единственный феномен в истории человечества.

Тема: Новое в устройстве человек<еского> общества — в полит<ическом>, эконом<ическом>, социальном<...>.

Коллективизация — освобождение огромных запасов энергии (рабочих рук) на <...> строительство дороги, разработки руд, угля, торфа.

Новая военная система.

7 лет тому назад — народ мчался на тачанках.

Говорят, в Ирландии есть могила одного дедушки, который во хмелю был так страшен, что его боялась сама смерть; он прожил до ста пятидесяти лет запятая тире. Мы желаем, чтобы ваш талант и ваша ирония отпугнула ее еще на более долгий срок ¹⁵⁴.

Рассказ Фельтена ¹⁵⁵

О вредителе

Все время просидел рядом с жизнью.

Хотел, чтобы жизнь к нему приспособилась.

Убежден, что так нельзя (на фабрике), а когда увидел, что не по-его, то пускай все летит к чорту. Чем хуже, тем лучше.

Консервативен. Не сгибался. В одиночку нельзя думать о тек-
стильном деле, и вдруг многое понял. Начал писать книгу.

О запятой, которая сутки просачивалась в его сознание.

Даже летом в калошах.

¹ Расширенный вариант записи из Дневника 1915—1917 гг., запись в нем датирована 1917 г.

² Эта и следующая записи сделаны, очевидно, также летом 1917 г.; однако, по сравнению со сходными записями предшествующего дневника, тональность их изменилась — усилилось чувство тревоги.

³ А. С. Яценко (см. Дневник 1911—1914 гг. и примеч. 22 к нему; Дневник 1918—1923 гг. и примеч. 51 к нему). Фрагмент представляет собою расширенный вариант записи из Дневника 1915—1917 гг.; датируется, судя по расположению в нем, 1916 г.

⁴ Запись из Дневника 1915—1917 гг.; датируется, судя по расположению в нем, началом 1917 г. и отражает военные впечатления Толстого.

⁵ В деревне Антоновка на Оке (неподалеку от Тарусы) в имении своего приятеля Ладыжина Толстой отдыхал в мае—августе 1916 г.

⁶ Н. В. Крандиевская.

⁷ Запись переписана из Дневника 1915—1917 гг.

⁸ Запись переписана из Дневника 1915—1917 гг.

⁹ См. другой вариант этой записи в Дневнике 1915—1917 гг.

¹⁰ Запись была использована при обрисовке одной из героинь в «Похождениях Невзорова...» — «девицы Аллы Григорьевны» (З, 418).

¹¹ См. Дневник 1915—1917 гг. и примеч. 21 к нему.

¹² Эта и следующие две записи переписаны из Дневника 1915—1917 гг.

¹³ Устиновы — возможно, родственники Толстого (см. примеч. 173 к Дневнику 1911—1914 гг.).

Кокошкина — возможно, Екатерина Сергеевна Кокошкина, директриса женской гимназии, находившейся на Сивцевом Вражке, неподалеку от дома на Малой Молчановке, где жил Толстой.

¹⁴ Запись без изменения вошла в рассказ Толстого «Милосердия!» (1918 г.) — (З, 24).

¹⁵ В записи отразились реальные факты из жизни самого Толстого: он упоминает о ночном дежурстве во дворе с целью «охраны дома» и о беседе с «членом домового комитета» в статье «Ночная смена» (Луч правды, 1917, 4 дек.). «Оба мы с Толстым после дежурства на парадном подъезде, обязательное для всех жильцов, — вспоминает Н. В. Крандиевская. — Пули подкарауливали за каждым углом. Я переживала мучительные минуты, когда Толстой вместе с группой разведчиков выходил на улицу. Он говорил: — Мне это надо для впечатлений, пойми» (*Воспоминания*, с. 106—107). Интересно отметить иронический подтекст дневниковой записи; в повести «Похождения Невзорова...» эти реалии приобретут сатирическую окраску.

¹⁶ Вс. Ю. Мусин-Пушкин (см. примеч. 172 к Дневнику 1911—1914 гг.).

¹⁷ Доктор Гарденин — неустановленное лицо; в списках жителей Москвы на 1915—1917 гг. записаны пять проживавших в Москве человек по фамилии Гарденин, но доктора среди них не оказалось.

¹⁸ В этой и последующих записях октября—ноября 1917 г. Толстой в точности воспроизводит события тех дней. См. сообщения в газ. «Известия Московского Совета рабочих депутатов» — в статье «Успехи революционных войск»: «Крымский мост и Зубовская площадь в наших руках. Мы продвинулись по Остоженке и Пречистенке, кое-где до Савеловского вокзала. Идет наше наступление отсюда к Арбату переулками» (1917, 1 нояб.); в статье «Действия революционных войск»: «Вчера весь день шел ожесточенный бой около Никитских ворот, где юнкера засели в домах. Их обстреливают из орудий. Между Никитскими воротами и Моховой — юнкерские окопы... С другой стороны Кремля наши войска продвинулись по Мясницкой и заняли весь Китай-город. Начали штурм Кремля» (1917, 3 нояб.). 3 ноября в газете был опубликован «Манифест Военно-Революционного комитета Московского Совета рабочих и солдатских депутатов», в котором говорилось: «После пятидневного кровавого боя враги народа, поднявшие всоруженную руку против революции, разбиты наголову. Они сдались и обезоружены. Ценою крови мужественных борцов — солдат и рабочих — была достигнута победа. В Москве отныне утверждается народная власть — власть Советов рабочих и солдатских депутатов».

¹⁹ Очевидно, известный в Москве дом в стиле «модерн» купца П. Н. Перцова (Соймоновский пер., д. 1). Не исключено, однако, что Толстой имеет в виду дом писателя П. П. Перцова, находившийся на Б. Молчановке, 23.

²⁰ Семен — неустановленное лицо.

²¹ У Чичкина — лавка купца А. В. Чичкина в Москве, у Никитских ворот; запись использована в рассказе «Простая душа» (первоначальное заглавие «Катя», 1918) — (З, 114).

²² Поливановы — в период, о котором идет речь, в Москве проживали на Н. Божedomке, Петровке, Арбате, в Семинарском тупике; установить, кто имеется здесь в виду, не удалось.

²³ Далее часть текста густо зачеркнута.

Комитет общественного спасения — очевидно, имеется в виду Комитет общественной безопасности — контрреволюционная организация буржуазных и соглашательских партий, возникшая в крупных городах страны в октябре—ноябре 1917 г.; в Москве Комитет общественной безопасности действовал с 29 октября по 2 ноября 1917 г. Революционный комитет — Военно-революционный комитет — боевой орган при Совете рабочих и солдатских депутатов, действовавший с октября 1917 г. по март 1918 г. Запись включена в «Похождения Не-

взорова...» (3, 420). «Комитет общественной безопасности», во главе с земским доктором Рудневым, упоминается в романе «Восемнадцатый год» (5, 325).

²⁴ По-видимому, Юрий Владимирович Саблин (1897—1937), командовавший бригадой революционных войск, в дальнейшем известный советский военачальник. Упоминается в романе «Восемнадцатый год» (5, 324); факты его биографии, использованные в романе, совпадают с реальными. См. также в газетной заметке «Прапорщик Саблин»: «Саблин играл видную роль во время гражданской войны в Москве. В 56 полку, где числится Саблин на службе, сведения о смерти его не подтверждаются. На днях от Саблина получено было письмо, в котором он сообщал об удачных операциях большевистских войск на юге. Саблин командовал сводным военно-революционным отрядом, отправленным в Донецкий бассейн в декабре» (Раннее утро, 1918, 17 янв.).

²⁵ Предположительно Израиль Маркович Берлинский сосед Толстого (проживал: М. Молчановка, д. 8), помощник присяжного поверенного. Один из возможных прототипов героя рассказа Толстого «Милосердия!».

²⁶ Ср. с записью в дневнике И. А. Бунина от 1 ноября 1917 г., Москва: «(...) Весь день не переставая орудия, град по крышам где-то близко и щелканье. Такого дня еще не было (...) Пробегают не то юнкера, не то солдаты под окнами у нас...» (Цит. по кн.: *Бабореко А. И. А. Бунин*, с. 249).

²⁷ См. в воспоминаниях Н. В. Крандиевской: «После двух шальных пуль, царапнувших подоконник в столовой, окна нашей квартиры на Малой Молчановке были завешены коврами, забаррикадированы шкапами. Детские кровати перенесли в ванную комнату, без окон...» (*Воспоминания*, с. 106).

²⁸ Дом Ламановой — дом Надежды Петровны Ламановой-Каютовой, владелицы модной мастерской дамского платья, находившийся на Тверской улице. Аптека на Никитской — аптека, принадлежавшая В. Р. Браше, находилась у Никитских ворот.

²⁹ Казаковский дом — очевидно, «Дом призрения Московского дворянства им. гв.-полковника В. Б. Казакова», находился на Поварской улице.

Ср. с записью в дневнике И. А. Бунина от 2 ноября 1917 г., Москва: «Заснул вчера поздно — орудийная стрельба. День нынче особенно темный (погода). Остальное все то же. Днем опять ударило в дом Казакова...» (Цит. по кн.: *Бабореко А. И. А. Бунин*, с. 249).

³⁰ Очевидно, слухи о мире с Германией; первая мировая война еще продолжалась, Брестский мир, по которому Россия вышла из войны, был заключен 3 марта 1918 г.

³¹ Крандиевские — родители Н. В. Крандиевской, Анастасия Романовна и Василий Афанасьевич; Дюна — ее сестра Надежда Васильевна; жили они недалеко от Толстых, в Хлебном переулке, д. 1, кв. 59.

Ср. в воспоминаниях Н. В. Крандиевской: «На седьмой день, когда стрельба прекратилась, мы с Толстым пошли на Хлебный проведать родителей. Улицы были еще пусты. Лишь кое-где кучками стоял народ возле первых приказов, вывешенных новыми хозяевами города. Пожилой господин с бородкой, в пенсне, стоявший рядом, сказал:

— Кончилась Россия!

И тут же чей-то веселый голос из толпы ответил:

— Это для вас кончилась, папаша. Для нас — только начинается!

Толстой обернулся, отыскал глазами говорившего и долго разглядывал его. Вечером в тот день он записал в своем карманном блокноте: „Разговор у приказа. Старик в пенсне. Веселый парень. Для одних — кончилось, для других начинается“» (*Воспоминания*, с. 107).

Запись Толстого, которую приводит Крандиевская, найти в его дневниках и записных книжках не удалось.

³² Дочь Толстого и С. И. Дымшиц Марианна Алексеевна Толстая (р. 1911).

³³ Эти слухи, очевидно, имели основание: как сообщала газета «Известия Московского Совета рабочих депутатов» 2 ноября 1917 г. (№ 202) к Москве, действительно, «направлялись казаки и кавалеристы на помощь юнкерам». «Часть их, однако, задержана вдали от Москвы. Навстречу одному казачьему полку выехал на автомобиле казак-большевик. После переговоров полковой комитет

этого полка подписал договор о том, что полк не принимает участия в борьбе, которая сейчас происходит в Москве...»

³⁴ Слух не соответствовал реальному положению дел.

³⁵ Слух также не соответствовал действительности. Финляндия (Великое княжество Финляндское) входила (на автономных началах) в состав России. 18(31) декабря 1917 г. советское правительство признало государственную независимость Финляндии.

³⁶ «Законом от 4 декабря 1871 г. была введена единая валюта для всей Германской империи — золотая марка, содержащая 0,358423 г чистого золота (...) с 4 августа 1914 г., сразу после начала первой мировой войны, обмен банкнот на золото был прекращен. Последовавшая за этим инфляция, продолжавшаяся до 1923 г., привела к почти полному обесценению марки, курс которой упал до 4200 млрд. марок за 1 доллар» (Валюты стран мира. М.: Финансы, 1970, с. 82).

³⁷ Здесь пометка Толстого, сделанная, очевидно, позднее: «2-я часть», т. е. вторая часть «Хождения по мукам» — роман «Восемнадцатый год»; эта запись использована в романе в рассуждениях Рощина (5; 324; 350 и др.).

³⁸ Фраза с небольшими изменениями вошла в рассказ «Милосердия!» (3, 24). «Цадия» — уходи, ступай (*гуз*).

³⁹ Доктор, Орлов, Асланов и Людмила — неустановленные лица.

⁴⁰ Пометка Толстого: «2-я часть»; в текст романа «Восемнадцатый год» запись не вошла.

⁴¹ Объявление было напечатано в московской газете «Вперед» (1917, 16 дек.); в дневник вклеена вырезка из этой газеты. С небольшими сокращениями текст объявления включен в «Похождения Невзорова...» (3, 416).

⁴² С. Г. Кара-Мурза (см. Дневник 1911—1914 гг. и примеч. 211 к нему). «Зимой 1917/1918 года мы часто бывали у С. Г. Кара-Мурзы, верного и бескорыстного друга писателей, — вспоминает И. Г. Эренбург. — Там мы ужинали, читали стихи, говорили о судьбе искусства. Возвращались мы поздно ночью ватагой. Кара-Мурза жил на Чистых прудах, а мы — кто на Поварской, кто на Пречистенке, кто в переулках Арбата. Алексей Николаевич (Толстой) забавлял нас нелепыми анекдотами и вдруг останавливался среди сугробов — вспоминая строку стихов то Есенина, то Н. В. Крандиевской, то Веры Инбер...» (Воспоминания, с. 85—86).

Эти воспоминания дополняются свидетельством Н. В. Крандиевской: «Москва. 1918 год. Морозная лунная ночь. Мы с Толстым возвращаемся с литературного вечера у присяжного поверенного Кара-Мурзы. С нами — попутчики до Арбата, писатели Зайцев, Осоргин и Андрей Соболев. Идем по середине улицы, по коридору, протоптанному в сугробах пешеходами...» (Там же, с. 108).

⁴³ Ковушчины — неустановленные лица.

⁴⁴ Генерал-губернаторский дом — на Тверской (теперь улица Горького, здание Моссовета); здесь находился Военно-революционный комитет.

Вишневский — по-видимому, Александр Леонидович Вишневский, артист МХТ (см. Дневник 1911—1914 гг. и примеч. 274 к нему).

Званцов — возможно, Николай Николаевич Званцов (1871—1923), режиссер, либреттист.

⁴⁵ Запись использована в «Похождениях Невзорова...» (3, 419). Точное указание на то, где и когда «видел» писатель этого «странного человека», очевидно, вымышлено: в письме А. Соболю, посланном из Одессы в марте 1919 г., Толстой описывает почти в тех же выражениях человека, встреченного им якобы на Дерибасовской (ИМЛИ, ф. 43, оп. 4, № 93).

⁴⁶ Цетлин (Цейтлин) М. О. — поэт, переводчик (печатался под псевдонимом Амары), знакомый Толстого. Эпизод упоминается и в Дневнике 1918—1923 гг.

⁴⁷ Сообщения о вечере «Избрание короля поэтов» были напечатаны во многих московских газетах: «Власть народа», 1918, 15 февр.; «Раннее утро», 1918, 15 февр. и др. Вечер состоялся 14 февраля 1918 г. в Большой аудитории Политехнического музея; в нем приняли участие: В. Маяковский, Д. Бурлюк, В. Каменский, И. Северянин, В. Шершеневич и др. «В Московии есть король, —

сообщалось в журн. „Рампа и жизнь“, — и этот король — Игорь Северянин!.. Короновала его большая аудитория Политехнического музея. (...) Вторым кандидатом на престол оказался г-н Маяковский и только третье место занял Бальмонт, лично на этом скоморошьем состязании не присутствовавший...» (1918, № 9, с. 9—10).

Пометка Толстого: «Ко 2-й части»; в текст романа «Восемнадцатый год» запись не вошла.

⁴⁸ Возможно, имеется в виду Владимир Евграфович Ермилов (1861—1918) — историк литературы, критик, активно участвовавший в литературной жизни тех лет. В некрологе, озаглавленном «Бегом по жизни», о нем говорится как о характерной фигуре тех дней (Раннее утро, 1918, 15 марта).

⁴⁹ Запись с небольшими изменениями вошла в рассказ «Милосердия!» (3, 44).

⁵⁰ Пометка Толстого на вклеенной в дневник вырезке из газеты «Власть народа» (1917, 6 дек.): «Ко 2-й части». Некоторые факты, содержащиеся в статье «В Смольном», — использованы Толстым в романе «Восемнадцатый год» (в описании Смольного). Следующая запись в дневнике воспроизводит в развернутом виде один из сюжетов, содержащихся в указанной статье. Ср. в статье: «Какой-то солдат спорит с другими и доказывает, что его не могли арестовать за то, что купил сыру».

⁵¹ Запись без изменений вошла в рассказ «Милосердия!» (3, 44).

⁵² Пометка Толстого: «2-я ч.» Некоторые детали этой записи вошли в роман «Восемнадцатый год».

⁵³ Эта мысль применительно к Великой французской революции чрезвычайно занимала Толстого; она составила идейный центр его пьесы «Смерть Дантона», над которой писатель работал с декабря 1917 г.

⁵⁴ Позднее, после возвращения из эмиграции на родину, перечитывая записи 1917—1918 гг., Толстой развил в дневнике эту мысль во фрагменте «Продолжение к странице 31».

⁵⁵ Возможно, имеется в виду Саблин Ю. В. (см. примеч. 24). Эта запись — свидетельство личного знакомства Толстого с ним.

⁵⁶ Встреча с К. С. Станиславским, о которой идет здесь речь, состоялась в апреле—мае 1918 г. (Материалы Летописи жизни и творчества Толстого, собранные Ю. А. Крестинским. — ИМЛИ, ф. 43, н. п.).

⁵⁷ Солнечное затмение 1914 г., видимое в России, произошло не в день объявления войны, а 8 (21) августа 1914 г.; очевидно, создавая художественный образ, Толстой объединяет разновременные события.

⁵⁸ Сестры Орловы — неустановленные лица.

⁵⁹ Лиза — неустановленное лицо.

⁶⁰ Максимильен Робеспьер (1758—1794) — деятель Великой французской революции; Камилл — очевидно, Камиль Демулен, деятель Великой французской революции, журналист, упоминается в Дневнике 1918—1923 гг. К этой записи Толстой сделал пометку: «К роману»; однако в романе «Восемнадцатый год» она не была использована. Содержание записи трансформировалось в пьесе «Смерть Дантона» (1918); отзвук ее можно найти в рассказах «Простая душа» (1918), «Голубые города» (1925), «Гадюка» (1927) и др.

⁶¹ Запись о Корнилове — одна из многих записей о нем в дневниках Толстого (см. Дневник 1915—1917, Дневник 1918—1923 гг.). 19 апреля 1918 г. «Вечерняя жизнь» сообщала: «Революционной мортирой убит под Екатеринодаром Корнилов»; спустя 2 дня, 21 апреля 1918 г., той же газетой сообщение было опровергнуто. Толстой выписывает оба эти факта, но сразу (теми же чернилами) вычеркивает опровержение о смерти Корнилова.

Корнилов — одно из действующих лиц романа «Восемнадцатый год».

⁶² Борис Константинович Зайцев (1881—1972) — писатель-эмигрант; см. также примеч. 42.

⁶³ Оленин — см. примеч. 87.

Последняя фраза вписана в текст позднее, карандашом. Убийца Мирбаха — Я. Г. Блумкин, левый эсер. Мирбах В. (1871—1918) — германский дипломат, с апреля 1918 г. — посол Германии в Москве при правительстве РСФСР; убит

6(20) июля 1918 г., что послужило поводом к левоэсеровскому мятежу в Москве.

⁶⁴ О своем знакомстве в Берлине, в 1912—1913 гг., с немецким философом-мистиком, основателем антропософии Рудольфом Штейнером (1861—1925) и об увлечении его идеями Андрей Белый подробно рассказал в своих книгах «На рубеже двух столетий» (1930), «Начало века» (1933), «Между двух революций» (1934).

В записной книжке Толстого (1927 г.), содержащей подготовительные материалы к роману «Восемнадцатый год», комментируемая запись получила несколько иное, обобщенное выражение: «Интеллигент. Вот наша жизнь: пустая квартирка с чехлами и небольшой чемоданчик для странствия.

Освобождаю себя от всех наслоений культуры, ума, знаний, теорий. Живем в ожидании какой-то катастрофы. Так стройте свою жизнь...» (Лит. наследство, т. 74, с. 314). В значительно трансформированном виде вошла в текст романа «Восемнадцатый год» — см. рассуждения немца, попутчика Кати (5, 468—469).

⁶⁵ Пометка Толстого «2-я ч.»; запись без изменения включена в роман «Восемнадцатый год» (5, 471). Реальный факт, содержащийся в этой записи, очевидно, был широко известен, во всяком случае, он произвел впечатление и на Горького, записавшего его, почти в тех же выражениях, в дневниковой заметке 1918 г. (Архив А. М. Горького, МГ 1—2—1).

⁶⁶ Пометка Толстого: «2-я часть»; запись была использована в романе «Восемнадцатый год», идея которого — утверждение незыблемости человеческих чувств, победы жизни над смертью и разрушением.

⁶⁷ Запись (с небольшими изменениями) включена в первую редакцию рассказа «Простая душа» (см. примеч. 21).

⁶⁸ Владимир Германович Лидин (1894—1979) — писатель; в воспоминаниях он сообщает о встречах с Толстым в 1922—1923 гг. (см.: *Воспоминания*, с. 158—160). Дом кн. Г. Г. Гагарина находился на Тверском бульваре; эпизод со взятием «дома Гагарина» включен в рассказ «Простая душа» (3, 113—114).

⁶⁹ Григорий Алексеевич Рачинский (1859—1939) — литературный деятель, близкий к символистам, переводчик, философ; знакомый Толстого: по свидетельству Н. В. Крандиевской, был шафером на ее свадьбе с Толстым 7 мая 1917 г. (см.: *Воспоминания*, с. 104).

⁷⁰ Владислав Фелицианович Ходасевич (1886—1939) — поэт; в 1922 г. эмигрировал. Был знаком с Толстым с начала 1910-х годов.

⁷¹ Заглавие раздела, открывающего вторую часть дневника, вписано Толстым позднее, синим карандашом. В этой части представлен новый период жизни писателя, начавшийся со времени его первого приезда из эмиграции в Советскую Россию в мае 1923 г. (окончательно Толстой возвратился на родину 1 августа того же года).

⁷² Себеж — пограничная станция на западной границе СССР. В беседе «Об эмиграции», опубликованной в газете «Известия» 8 мая 1923 г., Толстой отмечал: «Начиная с самой границы, от Себежа, видишь совсем другой мир, других людей, людей живых. В Европе, в Германии, там все рушится, здесь же несомненный подъем» (10, 44).

⁷³ Многие страницы второй части Дневника 1917—1936 гг. представляют собой листы, вырванные Толстым из записных книжек разных лет и вклеенные в дневник; вклеена и страница, на которой две записи: «Смерть Лепешинской...» и «Деспотизм. Культура Афин...». Не случайно, очевидно, они открывают вторую часть дневника: запись «Деспотизм. Культура Афин...» могла быть сделана не раньше, чем в конце 1920-х годов, но по замыслу писателя должна была завершать старый и открывать новый этап его жизни, который начался с возвращения на родину.

Мысли, содержащиеся в записи «Деспотизм. Культура Афин...», получили подробное развитие в романе «Восемнадцатый год»; составили идейный пафос всего послереволюционного творчества Толстого.

То обстоятельство, что запись «Деспотизм. Культура Афин...» сделана значительно позже мая 1923 г., подтверждается и тем, что она находится на одной странице с записью об Ольге Васильевне Лепешинской (р. 1916), артистке

балета Большого театра Союза ССР, на сцене которого она стала выступать только в 1933 г. Толстой, живший в Ленинграде, в 1933 г. не раз бывал в Москве и общался с О. В. Лепешинской (сохранились фотографии тех лет, где Толстой снят вместе с артисткой. — ЦГАЛИ, ф. 1337, оп. 4, ед. хр. 702; ф. 2049, оп. 3, ед. хр. 450). Одна из первых партий О. В. Лепешинской на сцене Большого театра — в балете на музыку Р. Глиэра «Красный мак», где есть сцена, сходная с записанной у Толстого.

По свидетельству самой О. В. Лепешинской (в устной беседе) речь идет здесь о сне Толстого: такой «смешной сон» он рассказывал ей во время встречи летом 1936 г. на даче писателя в Барвихе.

⁷⁴ Надежда Васильевна Крандиевская. По устному свидетельству Натальи Петровны Навашиной-Файдыш, дочери Надежды Васильевны (в беседе с автором наст. примечаний), запись в дневнике относится к августу 1923 г., когда Толстой приезжал из Петрограда в Москву. Первый ребенок Надежды Васильевны (сын Михаил, р. 1917) скончался в младенческом возрасте (тот трагический эпизод нашел выражение в «Хождении по мукам»; смерть только что родившегося ребенка у Даши, прообразом которой послужила, как известно, Надежда Васильевна Крандиевская); второй ребенок (Андрей Петрович Файдыш; 1920—1967) был тяжело болен; усилия Надежды Васильевны спасти его в деталях запечатлены в дневниковой записи; однако творческого выхода комментируемая запись не получила.

⁷⁵ Возможно, имеется в виду Владимир Николаевич Давыдов (псевд. Ивана Николаевича Горелова, 1849—1925) — артист Александринского театра в Петрограде (1880—1924 гг.), с которым Толстой был знаком, очевидно, с 1916 г., когда решался вопрос о постановке на сцене этого театра пьесы Толстого «Нечистая сила».

⁷⁶ Очевидно, Михаил Михайлович Климов (1880—1942) — актер Малого театра, играл в спектакле по пьесе Толстого «Насильники» на сцене этого театра (1913 г.); Толстой упоминает о нем в статье 1924 г. «Моя первая пьеса» (см.: Толстой А. Н. ПСС, т. XV, с. 326); знакомый Толстого (сохранилась фотография 1926 г., где писатель снят в группе с Климовым. — ЦГАЛИ, ф. 2216, оп. 1, ед. хр. 329).

⁷⁷ Запись вклеена в дневник; была сделана не ранее начала 1930-х годов. Племянник Файдыша — очевидно, племянник П. П. Файдыша, мужа Надежды Васильевны Крандиевской — Евгений Владимирович Файдыш (1916—1941); вместе с отцом ездил за продуктами для жителей Москвы (устное свидетельство Н. А. Навашиной-Файдыш).

⁷⁸ Запись сделана, предположительно, судя по цвету чернил и по бумаге, в 1923—1924 гг. В «Заметках ко 2-ой части „Хождения по мукам“», которые Толстой вел в 1921—1922 гг., находясь в эмиграции, эта мысль была выражена несколько иначе: «...Пафос революции — в материализации идей.

Две идеи жизни:

Идея счастья.

Идея борьбы» (ИМЛИ, ф. 43, н. п.).

⁷⁹ Лев Вениаминович Никулин (1891—1967) — писатель; Толстой познакомился с ним вкоре по приезде в Советскую Россию; Л. Никулин оставил воспоминания о Толстом (см.: Воспоминания, с. 252—257).

⁸⁰ Эпизод, о котором рассказывается в этой записи, подробно разработан в «Похождениях Невзорова...» (3, 436—437); использован он и в романе «Восемнадцатый год» (5, 475—490).

⁸¹ Запись предположительно 1923—1924 гг.; использована в рассказе «Голубые города» (4, 71).

⁸² Запись предположительно 1923—1924 гг.; послужила, очевидно, толчком к замыслу повести «Похождения Невзорова, или Ибикус».

⁸³ Запись предположительно 1923—1924 гг.; в подготовительных материалах к роману «Восемнадцатый год», содержащихся в записной книжке 1927—1928 гг.; эта мысль несколько трансформировалась: «Россия — неизмеримые земли, неизмеримые богатства — породила грандиозность.

Революция — дерзновение, непримиримость, беспредельность. Ничего не жалко, нет ничего недостижимого, недоступного. Непомерность, как строй души...» (Лит. наследство, т. 74, с. 314). Вошла в художественную структуру

романа «Восемнадцатый год». О взглядах Толстого на революцию см. в наст. книге статьи: «А. Н. Толстой и современность» (В. Р. Щербина), «Историзм художественного мышления А. Н. Толстого» (Н. Н. Воробьева), «А. Н. Толстой и А. М. Горький. К истории творческих отношений» (А. М. Крюкова).

⁸⁴ Очевидно, Николай Эрнестович Радлов (1889—1942) — художник, иллюстратор произведений Толстого.

⁸⁵ Запись вклеена в дневник; судя по цвету чернил и бумаге, сделана позднее предшествующих, возможно, в 1925—1926 гг.

В записной книжке Толстого 1927 г. с материалами к роману «Восемнадцатый год» эта мысль получила дальнейшее развитие: «Гибель гуманитарной морали. Когда гуманизм утыкался в кровь, он через силу старался ее оправдать. Но гуманизм не мог постигнуть революцию без морального обоснования и отвернулся от нее. В этом расхождении погиб гуманизм. Революция оказалась без риз» (Лит. наследство, т. 74, с. 285).

Использована в романе «Черное золото» («Эмигранты», 1930—1933) в рассуждениях «министров северо-западного правительства» (4, 389—390); отзвук идей, содержащихся в записи, можно найти в пьесе «Бунт машин» (1924).

⁸⁶ Яков Александрович Слащев (Слащов; 1885—1929) — один из организаторов контрреволюции в гражданскую войну. В 1920 г. эмигрировал. Осенью 1921 г. был амнистирован, вернулся в Советскую Россию, преподавал в Высшей тактической стрелковой школе РККА; в 1929 г. убит курсантом, родственником одного из казненных им людей. См.: *Вертинский А.* Четверть века без родины. — Москва, 1962, № 3, с. 212—218; здесь уже упоминается и «женщина, делившая с ним походы, участница всех сражений, дважды спасшая ему жизнь».

Личность Слащова заинтересовала Толстого.

Запись сделана на странице из другой записной книжки, очевидно, 1924—1925 гг., вклеенной в дневник; здесь же позднейшая пометка Толстого: «Ко 2-ой части X. п. М.». В записной книжке, которую Толстой вел в 1927 г. во время поездки по стране для сбора материалов к «Хождению по мукам» вновь возникает имя Слащева: «Журнал „Красная звезда“, 1927 (осенние номера): Слащев — о разгроме Жлобы» (ИМЛИ, ф. 43, н. п.). Толстой, возможно, имел в виду единственную статью Слащева — «Борьба с десантами» (Война и революция, 1927, № 6, с. 140—151); фактический материал статьи частично был использован Толстым в романе «Восемнадцатый год». И еще упоминание о Слащеве — в записной книжке «К роману» (1928—1929 гг.): «Город освободил Слащев. Малиновая черкеска, белая папаха. Жена его на лошади, в черкеске, белая папаха» (Лит. наследство, т. 74, с. 289).

⁸⁷ Борис Владимирович Оленин — инженер, подсказавший Толстому замысел романа «Гиперболоид инженера Гарина». Запись предположительно 1925—1927 гг.; делалась в несколько приемов, очевидно, в соответствии с рассказом Оленина. Интересна, как первоначальное изложение сюжета романа. Частично использована и в рассказе «Голубые города» (1925), в главе «Через сто лет» (4, 52).

Фамилия Оленина встречается в записной книжке Толстого 1927 г. с указанием его адреса: «Таганрог, ул. Фрунзе, д. 20/28» (ИМЛИ, ф. 43, н. п.).

⁸⁸ Речь идет о поездке Толстого на юг страны в апреле 1924 г. (с чтением лекций на тему «Семь лет эмиграции»). Маршрут поездки: Смоленск — Орша — Минск — Бобруйск — Гомель — Киев — Одесса.

⁸⁹ Запись «Минск» вошла в рассказ «Голубые города» (4, 63).

⁹⁰ Вера Холодная (1893—1919) — популярная русская киноактриса; в рассказе «Голубые города» упоминается фильм с ее участием — «Молчи, грусть, молчи» (4, 63).

⁹¹ Образ использован в рассказе «Голубые города» (4, 72, 81).

⁹² См. там же, с. 59.

⁹³ См. там же, с. 54, 64.

⁹⁴ Шурина сестра — возможно, речь идет о старшей сестре приемной дочери А. Л. и А. А. Бостром, Александры Алексеевны Первяковой (1899—1971), которую звали Настасья (см. сб.: Алексей Толстой и Самара. Куйбышев, 1982, с. 338).

«Ямки, канавки» — скорее всего, вымысел Толстого; ни в одном справочнике такое издание не зафиксировано. Использовано в рассказе «Голубые города» (4, 80).

⁹⁵ Запись вошла в «Похождения Незорова...» (3, 511).

⁹⁶ Запись воспроизводит один из образцов канцелярского стиля, который Толстой, очевидно, хотел использовать; однако в произведениях писателя эту запись найти не удалось.

⁹⁷ Юрий Александрович Шапорин (1887—1966) — композитор, друг и соавтор Толстого (Толстой — автор либретто его оперы «Полина Анненкова»), сосед по даче в Детском Селе; состоял с ним в переписке (сохранились два письма Толстого к нему 1932 г. ЦГАЛИ, ф. 2642, оп. 1, ед. хр. 424).

⁹⁸ Сын Толстого и Н. В. Крандиевской Никита Алексеевич Толстой.

⁹⁹ О своем знакомстве с английским писателем Артуром Конан-Дойлем (1859—1930) Толстой рассказал в статье «В гостях у англичан. Прогулка с Конан-Дойлем», написанной в марте 1916 г. во время посещения им Англии в составе делегации русских журналистов (см. об этой поездке в наст. книге письма Толстого к Н. В. Крандиевской и К. И. Чуковскому): «На одном из банкетов рядом со мной сидел высокий плечистый человек, с большим ртом, полным крепких зубов, с закрученными в стрелку усами и добродушным взглядом светлых глаз. Близко нагнувшись ко мне, он на невероятном французском языке обещал зайти завтра (...) в гостиницу, чтобы со мной и Чуковским сделать часовую прогулку по Лондону. Это был Конан-Дойль, когда-то незаметный врач, пописывающий рассказы, теперь ставший сэрлом Артуром за историю бурской войны...» (Рус. ведомости, 1916, 22 марта).

Книга Конан-Дойля «История большой бурской войны» (англо-бурской войны 1899—1902 гг., приведшей к английской колонизации двух районов южной Африки — Оранжевого свободного государства и Трансвааля) на рус. язык не переводилась; в другой его книге об Африке — «Война в Южной Африке, ее причины и способ ее ведения», — изданной на рус. языке в 1902 г. в Одессе, комментируемая мысль отсутствует. Можно предположить, что Толстой слышал суждение Конан-Дойля об Африке во время устной беседы.

Запись в дневнике сделана предположительно в 1925—1927 гг.

¹⁰⁰ Толстой вносит в дневник услышанные фразы, которые кажутся ему характерными; часто они создают атмосферу его рассказов 20-х годов, хотя и не все записи такого рода попадают в ткань художественного произведения в их чистом, первоизданном виде. Это подтверждает стиль рассказов «Голубые города», «Василий Сучков», «Случай на Бассейной улице», «Гадюка» и др. См. также примеч. 89—96.

¹⁰¹ Запись связана со многими другими размышлениями писателя об искусстве и жизни в комментируемом дневнике (см., например, записи «Деспотизм. Культура Афин...» или «Продолжение к странице 31»). В ней подводится своего рода итог многолетним размышлениям Толстого на эту тему (см. раннюю статью «О нации и литературе» (1907); работы первой половины 1920-х годов: сборник статей «Нисхождение и преображение» (1922), статьи «О новой литературе» (1922), «Задачи литературы» (1924) и др.). Толстой считал, что искусство должно быть национальным и интернациональным одновременно; если какая-либо из этих сторон выступает на первый план, искусство гибнет. Утверждение исключительно «национального» не принимается писателем; так же, как и «интернационального» — в ущерб национальной сущности; и то, и другое вызывает к жизни псевдоискусство. «Как венец этой международнойности, — пишет Толстой в статье 1922 г. „Преображение (О живописи)“, — появляются кубисты, футуристы, ничевоки, Татлин со своими жестянками» (Толстой А. Н. Нисхождение и преображение. Берлин: Мысль, 1922, с. 44). Возрождение искусства Толстой видел в «пробуждении национального сознания». Одним из главных достижений Октябрьской революции он считал расцвет культуры всех наций, населяющих страну.

¹⁰² Стр. 31 — см. запись «Возвращались по Молчановке...»; стр. 28 — см. запись «Превышение в жизни чувств над умственным созерцанием...»; стр. 56 — см. запись «1) Аппарат, делающий людей...»

¹⁰³ Запись трансформировалась в рассказе Толстого «Черная пятница» (1924) — (3, 377).

¹⁰⁴ Рулевой финн Матти — одно из действующих лиц рассказа Толстого «Василий Сучков (Картинки нравов Петербургской стороны)» (1927) — (4, 108 и т. д.).

¹⁰⁵ Пьесу с таким сюжетом Толстой не написал.

¹⁰⁶ Павел Елисеевич Щеголев (1877—1931) — литературовед; друг и соавтор Толстого, сохранились письма Толстого Щеголеву, относящиеся к середине 1920-х годов, ко времени совместной работы над пьесами «Заговор императрицы» и «Полина Гебль» (ИМЛИ, ф. 43, оп. 4, № 125—125а — 7 писем; ОР Гос. б-ки, им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 1101, ед. хр. 19—2 письма).

¹⁰⁷ Андрей Николаевич Лаврентьев (1882—1935) — актер и главный режиссер (в 1919—1929 гг.) Ленинградского Большого драматического театра им. М. Горького; в 1925 г. А. Н. Лаврентьев поставил на сцене БДТ пьесу Толстого и Щеголева «Заговор императрицы».

¹⁰⁸ Николай Мариусович Радин (Казанков; 1872—1935) — актер, друг Толстого (см. в наст. книге письма Толстого Н. В. Крандиевской). Запись связана с работой над романом «Восемнадцатый год». Многочисленные записи о Ворошилове содержат записные книжки Толстого 1927—1930 гг.

¹⁰⁹ Наталья Васильевна Крандиевская была поэтессой (см. в наст. книге предисловие к письмам Толстого Н. В. Крандиевской).

Василий Васильевич Розанов (1856—1919) — русский писатель, религиозный философ, утверждавший культ пола.

¹¹⁰ Запись предположительно 1927 г.; Толстой возвратился к мысли, содержащейся в ней, в заключительных словах трилогии «Хождение по мукам»: «Даша — ему (Телегину):

— Будем жить в бревенчатом доме, чистом, чистом, с капельками смолы, с большими окнами... В зимнее утро будет пылать камин...

Рощин — Кате на ухо шепотом:

— Ты понимаешь — какой смысл приобретают все наши усилия, пролитая кровь, все безвестные и молчаливые муки... Мир будет нами перестраиваться для добра (...) И это — на моей родине, и это — Россия...» (6, 417).

¹¹¹ Речь идет о поездке Толстого в мае-июне 1927 г. (Ростов—Новочеркасск—станция Сосыка—станция Павловская—Ростов—Махачкала—Астрахань—Нижегород—Рыбинск—Ленинград) с целью сбора материала ко второй части романа «Хождение по мукам». «Материал, который я собрал, — огромен, — сообщал писатель В. П. Полонскому 4 июня 1927 г. — Я только теперь понял все безумие начать писать роман так, как я начал, — не прикоснувшись к жизни. Мне еще понадобятся две-три поездки...» (ИМЛИ, ф. 43, оп. 4, № 80а).

¹¹² Переписано из записной книжки поездки на юг 1927 г. — (ИМЛИ, ф. 43, в. п.).

¹¹³ Радин — см. примеч. 108.

Эпизод с актером Мамонтом Дальским (1865—1918) подробно разработан в романе «Восемнадцатый год» (5, 530—536).

¹¹⁴ Решник (решевник) — одно из названий травы Дрема-кукушкин цвет.

¹¹⁵ Имеется в виду Остин Чемберлен (1863—1937), в 1924—1929 гг. министр иностранных дел Великобритании, один из инициаторов разрыва в 1927 г. дипломатических отношений с СССР. На этом основании запись в дневнике можно датировать 1927—1928 гг.

Кули — низкооплачиваемые, неквалифицированные рабочие (в Китае, Индии); О. Чемберлен в 1915—1917 гг. занимал должность министра по делам Индии. Выражение «кули Чемберлена» часто встречалось в советских газетах того времени, появились и карикатуры на эту тему.

¹¹⁶ Очевидно, Константин Петрович Фан-дер-Флит — дальний родственник Толстого, о котором писатель не раз вспоминал, как о человеке, одаренном в разных областях, которому «не хватало совсем немного, чтобы стать гениальным» (10, 129) — см.: *Крестинский*, с. 49.

¹¹⁷ Вирджиния Вулф (Вульф; 1882—1941) — английская писательница, произведения которой стали известны русскому читателю с середины 1920-х годов. Запись в дневнике имеет иронический подтекст: знакомство с модными романами писательницы могло свидетельствовать об «изысканном» вкусе говорившего.

¹¹⁸ Туся — Н. В. Крандиевская.

¹¹⁹ Переписано из записной книжки «18 год» (1927). — ИМЛИ, ф. 43, н. п.

¹²⁰ Эта запись, сделанная, судя по ее расположению в Дневнике, в 1930—1931 гг., — единственное свидетельство личного знакомства Толстого с писателем Николаем Алексеевичем Островским (1904—1936), которое другими документами, однако, подтвердить не удалось: в материалах Толстого его имя более не встречается, архив же самого Островского мало изучен; опубликованные материалы его жизни и творчества и устные свидетельства современников — Р. П. Островской, жены писателя, М. Б. Колосова, его друга и редактора, — отрицают факт такой встречи.

Тем не менее, такая встреча могла произойти в 1930 г., когда Островский, выписавшись из больницы, в декабре 1929 г. поселился в Москве, в Мертвом пер., д. 12 (теперь переулок Н. Островского), а Толстой приезжал в Москву в феврале и апреле 1930 г.

Рассказать Толстому об Островском мог Г. И. Петровский, участник революции и гражданской войны, в 1919—1938 гг. председатель Всеукраинского Центрального Комитета, хорошо знавший Островского и Толстого.

Некоторые сюжетные линии, содержащиеся в комментируемой записи, совпадают с содержанием романа Островского «Как закалялась сталь» (ч. 1, гл. 8) и отражают реальные факты биографии писателя.

Василий Назарович Боженко (1871—1919) — герой гражданской войны, в 1918—1919 гг. участвовал в боях с немецкими интервентами и петлюровцами на Украине; Николай Александрович Щорс (1895—1919) — герой гражданской войны, командовал Богунским полком. В записных книжках Толстого содержатся многочисленные записи о Щорсе и Боженко, многие из которых были использованы в романах «Восемнадцатый год» и «Хмурое утро».

¹²¹ Переписано из записной книжки поездки на юг в 1927 г. (ИМЛИ, ф. 43, н. п.).

¹²² См. там же.

¹²³ См. там же.

¹²⁴ В середине июля — начале сентября 1928 г. Толстой находился в поездке по маршруту: Кисловодск — Пятигорск — Ессентуки — Железноводск — Минеральные воды — Ростов — Синельниково — Днепропетровск. Выступление в Железноводске (с чтением отрывка из романа «Восемнадцатый год» и рассказа «Гидра») состоялось 31 августа.

¹²⁵ Т. е. на вокзале в Детском Селе (ныне город Пушкин) под Ленинградом, где Толстой поселился с семьей в доме 10 по Московской улице в марте 1928 г.

¹²⁶ Запись переписана из записной книжки 1916 г. (ИМЛИ, ф. 43, н. п.). Переписана она и в записную книжку 1927 г.; однако творческих выходов записи не имеет.

¹²⁷ Луга — районный центр в Ленинградской области.

¹²⁸ Федоров — неустановленное лицо.

¹²⁹ Переписано из записной книжки поездки по Волге в 1927 г.

¹³⁰ Сын Н. В. Крандиевской от первого брака Федор Федорович Волькенштейн. В 1928—1929 гг. он, будучи студентом Ленинградского политехнического института, проходил производственную практику на заводе «Красная заря» в Ленинграде (устное свидетельство Ф. Ф. Волькенштейна).

¹³¹ Подгорье — деревня в Среднем Поволжье.

¹³² Радин — см. примеч. 108.

¹³³ Карнашева — неустановленное лицо.

¹³⁴ Речь идет о поездке Толстого на строительство целлюлозно-бумажного комбината в мае 1930 г. Впечатления от поездки отражены, кроме дневника, в записной книжке писателя (ИМЛИ, ф. 43, № 161/119).

Семен Николаевич — неустановленное лицо.

¹³⁵ В июле—августе 1930 г. Толстой (вместе с В. Я. Шишковым) совершил поездку по Волге, а затем по югу страны с целью сбора материалов к роману «Девятнадцатый год». Маршрут поездки: Ленинград — Рыбинск — Нижний Новгород — Сталинград — Ростов-на-Дону — Краснодар — Темрюк. Толстой посетил Тамань 3 августа 1930 г.

Фанагория — с VI в. до н. э. греческая колония на Таманском полуострове; в поселке Сенная сохранились до сегодняшнего дня древнегреческое городище и могильник.

Канны — древнее селение на юге Италии, упоминается в литературе с 216 г. до н. э.

Хлопкового завода в Сенной не было, строился консервный завод.

¹³⁶ В записи отражены впечатления от поездки по Волге и Уралу, которую Толстой совершил в августе 1929 г. вместе с Л. Н. Сейфуллиной, В. П. Правдукиным, Б. В. Липатовым. Маршрут поездки: Москва — Саратов — Энгельс (Покровское) — Уральск — далее вниз по реке Урал.

В «Охотничьем дневнике», который Толстой вел во время этой поездки, есть записи, сходные с комментируемой, напр.: «Ходили в лугах по-над Уралом. Вечер. Травы. Тишина реки, — пустыня, так же было 1000 лет назад. Рассвет. Лунный свет уже не светит, оранжевый рассвет, черный берег. Река стала будто мельче. Ложились роса, плескалась рыба. На юго-востоке над степью — бледный Орион» (ИМЛИ, ф. 43, н. п.).

¹³⁷ Запись представляет собой какое-то реальное распоряжение администрации г. Усолье-Соликамское (ныне г. Березники), находящегося в Пермской области, на Каме. Толстой проплывал мимо этого города во время поездки 1929 г.

¹³⁸ Очевидно, книга: *Меншуткин Б. Н.* М. В. Ломоносов. М.; Л.: ГИЗ, 1925. Дополнительные сведения о замысле романа о Ломоносове найти не удалось.

¹³⁹ В деревне Неприе на озере Селигер Толстой был в августе 1931 г.; ездил туда отдыхать и охотиться. Останавливался у Н. Н. Качалова (см. примеч. 142).

¹⁴⁰ Запись предположительно 1931 г. Имеются в виду следующие издания: *Хождение по мукам. Ч. 2.* Восемнадцатый год. Берлин: Петрополис, 1928; *Хождение по мукам. Ч. 1.*: Изд. автора, 1925; *Zar Peters Werktag. München*, 1923 (День Петра; нем.); «Аэлита» по-датски — установить не удалось (первое зафиксированное издание на дат. яз. — 1946); «Аэлита» на эсперанто — *Aelita Au La Marso Vormortanta: Romano. Keln: Heroldo de esperanto*, 1928; «Аэлита» по-немецки — *Aelita. Ein Marsroman. München*, 1924; «Ибикус» по-французски — *Ibicus on les aventures de Neuzorov. Paris*, 1928; «Leutenant Demjanof» — очевидно, рассказ «Обыкновенный человек» (1915), отдельным изданием на нем. яз. не выходил; *Die Liebe. Ein goldenes Buch. München*, 1923 (Любовь — книга золотая; нем.); *Modravù mesta. Praha*, 1926 (Голубые города; чеш.). См.: *Прозведения А. Н. Толстого в переводах на иностранные языки.* М.: ВГБИЛ, 1982, с. 13, 20, 34, 44.

Книги были переданы Толстым в Библиотеку Академии наук СССР в Ленинграде (БАН); место нахождения их в настоящее время не установлено.

¹⁴¹ Деревня Сороковицы Новгородской области; Толстой мог посетить эти места во время пребывания в Неприе.

Запись не закончена.

¹⁴² Николай Николаевич Качалов (1883—1961), ученый, химик-технолог, один из основателей отечественного производства оптического стекла; друг Толстого, сосед по даче в Детском Селе. Сохранилось 9 писем Качалова Толстому 1938—1941 гг. (ИМЛИ, ф. 43, оп. 4, ед. хр. 441); в одном из них, от 12 апр. 1938 г., Качалов писал: «Хоть мы с Елизаветой Ивановной и не сумели за последние годы использовать твое общество, живя бок о бок, все-таки нам как-то грустно, что Вы, по-видимому, навсегда переселяетесь в Москву» (Там же, л. 1).

¹⁴³ Речь идет о событиях Великой французской революции. Упоминание о Париже, возможно, связано с замыслом романа «Девятнадцатый год», в котором Париж должен был стать одним из мест действия — об этом Толстой писал В. П. Полонскому в сентябре 1930 г. (ИМЛИ, ф. 43, оп. 4, ед. хр. 83а).

¹⁴⁴ Записи 1916 г. переписаны, судя по содержанию, из другого, не сохранившегося дневника.

¹⁴⁵ Алексей Степанович — неустановленное лицо.

¹⁴⁶ Возможно, имеется в виду Б. Д. Никитин, инженер, о котором Толстой упоминает в письме Н. В. Крандиевской в декабре 1916 г. (см. в наст. книге письма Толстого Н. В. Крандиевской).

¹⁴⁷ Савва Тимофеевич Морозов (1863—1905) — крупный фабрикант, меценат, один из директоров и пайщиков МХТ. Мария Федоровна Андреева (Юрковская; 1868—1953) — артистка МХТ в 1898—1905 гг., с 1906 г. — жена А. М. Горького.

¹⁴⁸ Медведев — неустановленное лицо.

¹⁴⁹ Более подробно об этой встрече с Блоком Толстой рассказал в статье «Падший ангел», вошедшей в его книгу «Нисхождение и преображение» (Берлин: Мысль, 1922, с. 33—34). См. также в наст. книге сообщение «А. Н. Толстой и А. А. Блок».

¹⁵⁰ Князь Друбецкой-Любецкий — неустановленное лицо.

¹⁵¹ Пьеса с таким сюжетом Толстым не была написана.

¹⁵² Реприн — неустановленное лицо.

¹⁵³ Темы, названные в этих записях, не были воплощены в художественном творчестве Толстого. Писатель предполагал создать произведение о современности; этот замысел он не оставил до конца жизни, задумав в годы Великой Отечественной войны роман «Огненная река» (см. об этом замысле в сообщении «А. Н. Толстой — академик АН СССР»).

¹⁵⁴ Текст телеграммы, переписанный Толстым, — один из курьезов, которые всегда интересовали писателя (ср. с записью в наст. дневнике: «Усольский горсовет»).

¹⁵⁵ Николай Евгеньевич Фельтен — писатель, участвовал вместе с Толстым в поездке на подъем затонувшего судна «Садко» в августе 1933 г. (см. в наст. книге письма Толстого Н. В. Крандиевской и К. И. Чуковскому).

ДНЕВНИК 1918—1923 гг.

Вступительная статья и публикация А. М. Крюковой

Этот дневник посвящен одному из самых сложных, «тяжелых», по позднейшему признанию писателя, периодов его жизни: он начинается с отъезда из Москвы — на Украину, в Одессу, а затем в Париж, в эмиграцию, охватывает годы пребывания за границей (в Париже, Берлине, Миздрое), а заканчивается возвращением Толстого с семьей на родину 1 августа 1923 г. Точные хронологические рамки дневника, обозначенные самим писателем, обуславливают его содержание, общую тональность и его значение для современного читателя: познавательное и художественно-эстетическое.

Выше мы обращали внимание на своеобразную композицию Дневника 1917—1936 гг., из которого как бы «выпал» целый период жизни писателя, нашедший отражение в публикуемом дневнике. Если в Дневнике 1917—1936 гг. была изначально задуманная двухчастность (Великая Октябрьская социалистическая революция и ее «результат», «взорванная» ею жизнь страны и его, писателя, собственная), то в дневнике периода эмиграции есть только одна исходная позиция: осознание противоестественности, нелогичности избранного пути и необходимости возвращения на родину. Это лейтмотив дневника, придающий ему идейную, смысловую и художественную цельность и законченность.

О противоестественности и негармоничности указанного этапа жизни Толстого свидетельствует особый, сатирический подтекст публикуемых дневниковых записей: писатель как бы отстраняется от происходящего вокруг него и с ним самим — отсюда ясно слышимый его смех при описании реальных событий, иногда смех «сквозь слезы», печальный, иногда — гротескный и уничижительный. Эта интонация — основная в Дневнике 1918—1923 гг.,